

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

ВЛАДИМИР ШИГИН

ГЕРОИ БАЛТИКИ

Москва
Горизонт
2015 г.

АДМИРАЛ КРУЗ

Он был очень толст. Так толст, что в зрелые адмиральские годы уже не мог взбираться по трапам на корабли. Для него вырубали в бортах специальные порты и через них втаскивали на палубу. Вспыльчивый и прямой характер толстяка был причиной многих скандалов с вельможами, а личная отвага вызывала восхищение всего российского флота. О нем, герое многих морских баталий, ходили легенды.

ГЕРОЙ ХИОССКОЙ БАТАЛИИ

Предки Круза были выходцами из Дании. Дед будущего русского адмирала Эген фон Крюйс служил полковником в датской армии, имел небольшие поместья в Скогорской и Остергорской провинциях. Брат его Корнелий записался на службу к Петру I, а через несколько лет Эгер отправил к нему своего сына Иоганна. К этому времени Корнелий стал уже адмиралом, отличился в ряде баталий и был высоко ценим Петром. Рядом с дядей продвигался по службе Иоганн (ставший теперь Иваном). Изменения претерпела и фамилия Крюйсов, постепенно превратившаяся в Крюз, а затем в Круз.

Шли годы. В 1725 году не стало Петра. Вскоре капитан бригадного ранга Иван Круз, не поладив со всемогущим Меншиковым, был вынужден подать в отставку и уехал с молодой женой в Москву. Там в октябре 1727 года у него появился первенец, нареченный Александром. Над колыбелью младенца отец повесил написанную маслом картину Гангутской виктории.

Детские годы Саши Круза были наполнены встречами с интересными людьми. Бывал неоднократно в доме отставного бригадира его земляк Витус Беринг, заходил почаевничать сосед Василий Суворов, а с ним и сын, тоже Саша. Иван Круз денег на воспитание сына не жалел, нанимая ему лучших учителей и гувернеров. Оправдывая ожидания отца, мальчик рос не по годам смысленным и любознательным. К двенадцати годам младший Круз уже владел несколькими языками, серьезно увлекался геометрией, отлично чертил и рисовал. А еще через пару лет с отцовского благословения надел зеленый кафтан морского кадета.

Учился Саша Круз блестяще и по выпуску был одним из первых. Медлительный, но обстоятельный, он всегда любил разбираться во всем до тонкостей, иногда изводя учителей своей въедливостью и

дотошностью. По итогам первой морской кампании усердного гардемарина в числе нескольких наиболее способных молодых офицеров отрядили для получения практики дальних вояжей в английский флот. Без малого семь лет отплавал Круз под британским флагом, где только не побывал. Много полезного узнал, но и характером испортился: стал зол и беспощаден, чуть что — сразу матроса кулаком в зубы, и весь разговор! Тяжко служилось потом нижним чинам под его началом, потому и прозвище дали — Бешеный.

В Семилетнюю войну Круз, уже в лейтенантском чине, отличился при бомбардировке прусской крепости Кольберг, где получил сразу две тяжелые раны. Долго лечился, снова плавал, а несколько лет спустя уже в чине капитана 1 ранга принял под команду новейший 66-пушечный корабль «Святой Евстафий Плакида». В самое короткое время довел его Круз до высшей степени совершенства. Нигде не было такой чистоты и такой обученной команды.

В июне 1769 года на грот-стенге «Евстафия» поднял свой флаг командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Григорий Спиридов. Шла русско-турецкая война, и эскадра спешила в эгейские воды. Плавание было не из легких. Под адмиральским флагом Круз участвовал в осаде крепости Корон. А затем была многодневная погоня за турецким флотом через все Эгейское море.

Сражение при Хиосе было яростным. «Евстафий» дрался сразу с несколькими вражескими кораблями на предельно короткой дистанции. Стих ветер, и, влекомый течением, корабль Круза свалился на бордаж с флагманским турецким кораблем. Вскоре «Реал-Мустафа» был захвачен, но возникший на нем пожар потушить не сумели. Прогоревшая мачта рухнула прямо на крюйт-камеру «Евстафия», раздался взрыв...

Взрывом Круза отбросило в море. Вынырнув, он скинул с себя камзол, ботфорты и поплыл саженками к обломку мачты, за который уже держалось несколько человек. Существует легенда о спасении Круза, весьма, впрочем, правдоподобная. Когда к держащимся за мачту людям подошла шлюпка с одного из судов эскадры, в нее втащили всех, кроме Круза. Каперанг умолял взять и его, но матросы отталкивали Круза прочь. Узнав в обожженном офицере ненавистного всем нижним чинам капитана «Евстафия», матросы схватили весла, чтобы забить его до смерти. Тогда-то захлебывающийся каперанг и поклялся им, что, если ему сохранят жизнь, он больше никого пальцем не тронет. Крузу поверили и жизнь сохранили. К чести каперанга, он не только не предпринял впоследствии никаких попыток разыскать

своих обидчиков, которых за покушение на жизнь офицера ожидала бы неминуемая смерть, но и сдержал слово. На протяжении всей дальнейшей службы он пальцем не тронул ни одного матроса, за претив при этом заниматься рукоприкладством на своих кораблях и другим офицерам.

Через сутки после Хиосской баталии турецкий флот был решительно атакован и полностью уничтожен. По указу Екатерины II за проявленную храбрость в сражении Круз был награжден Георгиевским крестом 4-го класса.

КРУШЕНИЕ «РОДОСА»

Еще не стихли корабельные празднества в честь победы, а граф Алексей Орлов уже определил Круза к новой должности — капитанствовать на плененном корабле «Родос». Столь почетный трофей Орлов решил отправить морем в Россию, но не учел одного — корабль был серьезно поврежден, имел сильную течь. Спиридов с Крузом отговаривали графа.

- Не доплывет «Родос» до Кронштадта, рассыпется!

Но Орлов был упрям. Плыть — и все тут! Очень уж хотел императрицу удивить подарками.

Вряд ли можно считать счастливым корабль, который попал в плен к противнику. Для корабля, как во многих случаях, и для воина, гораздо более славной считается смерть в бою. Может быть именно по этому судьба большинства захваченных в плен кораблей весьма печальна. За редким исключением они или вскоре погибают, или влачат во вражеском флоте жалкое существование, пока, не устав маяться с их бесконечными поломками трофейные корабли при первом же удобном случае списывают на слом. Не стали исключением из общего правила и корабли, захваченные нашими моряками во время войн с Турцией и Швецией.

Название линкору решено было не менять, а так и оставить «Родосом». Команду укомплектовали офицерами и матросами с погибшего во время боя в Хиосском проливе «Евстафия». Среди офицеров «Родоса» были весьма известные в российской морской истории личности будущие адмиралы Макензи и Пущин, Георгиевский кавалер князь Гагарин, будущий герой обороны Фридрихсгама в русско-шведскую войну 1788 - 1790 годов Петр Слизов. Это и понятно, служить на захваченных в бою кораблях всегда считалось особо почетным! Но почет почетом, а запущен турками «Родос» был

до последней крайности.

Еще до отплытия Круз докладывал адмиралу Спиридову:

- В бортах нашли массу дыр, мышами проеденных, а в трюмах столько грязи, что матрозы в обмороки падают, когда ее лопатами выгребают!

На что Спиридов лишь плечами пожимал:

- Все понимаю, но граф требует плыть к пределам россейским!

Круз был настроен пессимистически:

- Поплыть, то я поплыву, но доплыву ли на этакой колымаге, вот в чем вопрос неразрешимый!

Уже через несколько дне плавания с «Родосом» начались проблемы несусветные. Старые паруса изорвались в раз, пришлось менять на запасные грот и марсели, помпы откачивали воду из трюма беспрестанно, но все же едва удерживали уровень в 10 дюймов. Когда же корабль качнуло на хорошей волне, уровень воде в трюме сразу поднялся до 50 дюймов, то есть до отметки критической!

Круз вышагивал по шканцам злой, как собака:

- И возвращаться нельзя и плыть далее смерти подобно, лучше бы уж сразу взорваться, как на «Евстафии», и всем бедам сразу конец!

Из грот-люка вылез старший офицер капитан-лейтенант Иван Бахметьев:

- Вода не убывает, а в помпах вот-вот цепные передачи полетят к черту! Помповая кожа вся в лоскутья!

Круз хмыкнул и повернулся к вахтенному начальнику лейтенанту Мелихову:

- Курс на ост, будем спускаться к островам Цериги и Занте, авось до берега как-нибудь доковыляем!

Тут же кинули клич и собрали кожу со всего корабля, у кого сапоги, у кого куртки штормовые. Все тащили к помпам, чтобы те могли еще хоть немного протянуть.

На пятые сутки команда уже валилась с ног от бессилья - из 250 человек команды сотня уже не могла подняться от слабости. Сам Круз, не сомкнувший ни на минуту глаз, был так слаб, что его водили под руки. Находясь в столь критическом положении командир велел собрать офицерский совет. Не могущих ходить лейтенанта Демьянова, мичмана Байкова и прапорщика Абатурова принесли туда на носилках. Оглядев прибывших офицеров, Круз сказал, тяжело ворочая языком:

- Положение наше отчаянное! А потому вижу единственный

выход - идти к ближайшему берегу, пусть он даже будет турецким, а там будь, что будет!

Офицеры своего командира поддержали единогласно. Чтобы облегчить ход корабля, покидали в воду лишние тяжести: большую часть якорей, пушки верхнего дека и ядра. Команде для поднятия духа раздали серебряные рубли. Теперь полузатонувший «Родос» из последних сил ковылял к ближайшему греческому берегу. Наконец вдали показалась полоска земли.

- Полуостров Майна! – объявил штурман Слизов.

- Хорошо! – слабо кивнул головой Круз. – Ставим корабль на землю и будем спасать людей!

Из хроники плавания линейного корабля «Родос»: «31 октября был принужден от крепкого ветра, изорвания парусов и сильной течи, спуститься к острову Цериго; на другой день едва не затонул – вода в корабле доходила до 7 футов, и притом командир, офицеры и почти вся команда были обессилены болезнями; потому в ночь на 5 ноября спустились к ближайшему берегу в бухту Мезата полуострова Майна, и здесь почти затонувший корабль поставили на мель. Люди были свезены на берег, неприязненный нам в этом месте, и стояли на биваках, окруженные разбойными отрядами майнотов, без малейшего укрытия от непогод и чрезвычайно нуждаясь в пресной воде, которую покупали очень дорого».

Шлюпкой на остров Цериго был послан мичман Ефим Пущин, который встретился с местным правителем и попросил его оказать помощь потерпевшим бедствие русским морякам.

Правитель сразу же запричитал:

- Если я помогу вам, то вызову недовольство турок!

- А если вы не поможете нам, то вызовете мщение со стороны графа Орлова, а он, как известно, в долгу никогда не остается!

Имя Орлова было известно в Средиземноморье хорошо, а потому грек был вынужден согласиться:

- Найму шебек и лодок я не препятствую, но если на остров придут турки, то я вас от них защищать не буду!

- Обойдемся своими силами! – махнул рукой мичман Пущин и отправился нанимать местных лодочников и шкиперов.

Только 16 числа стали подходить нанятые суда, на которых команда «Родоса» и была перевезена на остров Цериго. Умерли от изнурения: лейтенант Демьянов, прапорщик Абатуров и 21 человек нижних чинов. Корабль, чтобы не достался неприятелю, 7 ноября был сожжен. Две 10-весельные шлюпки, медный колокол и ендова – вот

все, что было спасено с этого трофея, так недолго и так плохо служившего России.

ХРАБР, НО СВОЕНРАВЕН

Орлов гибели «Родоса» Крузу не простил и при первой возможности отправил его в Россию. Почти год каперанг был не у дел, а затем его послали капитаном на... фрегат. Героя Чесмы явно затирали. Но вскоре представился счастливый случай поправить пошатнувшуюся карьеру. Крузу поручили доставить из Любека в Санкт-Петербург невесту наследника Павла — принцессу Гессен-Дармштадтскую. Для такого опытного моряка, как Круз, дело это было несложное, зато шуму вокруг него было много. Принцесса путешествием осталась довольна, и Круз вскоре был назначен на линейный корабль «Андрей Первозванный».

Опять начались плавания. Через некоторое время Круз возглавил отряд фрегатов. В 1779 году он надел контр-адмиральский мундир, а еще через несколько лет — и вице-адмиральский. Хорошо складывалась и личная жизнь. Александр Иванович женился по любви, купил большой каменный дом в Кронштадте близ Петербургских ворот; пошли дети, а потом и внуки. Так бы, наверное, и остался Круз в памяти потомков героем Чесмы, если бы не новые испытания...

Летом 1788 года нападением шведского короля Густава III на Санкт-Петербург началась новая война. Вице-адмиралу Крузу была поручена защита Кронштадта. А так как все боеспособные корабли во главе с адмиралом Грейгом ушли на поиск неприятеля, ему остался лишь списанный на дрова портовый хлам. В секретной инструкции, данной Адмиралтейств-коллегией, значилось: «По высочайшему Ея И. В. именному указу поручается вам главная команда над сооруженною эскадрой для защищения Котлина острова и самого Кронштадта противу покушений и нападения неприятельского. Вы к сему избраны как искусный, храбрый и неутомимый предводитель, доказавший сие опытами, каковых адмиралтейская коллегия ожидает и в сем новом представляющемся случае, конечно, не упустите оныя оказать».

Подтавав свои «самотопы», вице-адмирал смело вывел их на внешний рейд и находился там, пока не стал лед.

Кампания 1788 года не принесла шведам успеха, несмотря на всю внезапность их нападения. Эскадра русских кораблей под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Самуила Грейга в кровопро-литнейшем Гогландском сражении отбросила неприятеля

от столицы, а затем, преследуя, загнала в шведские порты и блокировала там. С наступлением холодов боевые действия закончились, и русский флот вернулся в базы.

Осенью, простудившись на холодном морском ветру, заболел и внезапно умер адмирал Грейг. Встал вопрос о его преемнике. Офицеры и матросы просили назначить на этот пост Круза. Все с надеждой ждали решения императрицы.

Предоставим здесь слово историку: «Круз пользовался особой любовью и доверием флотской молодежи и нижних чинов. Храбрый, умный и искусный адмирал с отличным боевым прошлым, много плававший и заботившийся о подчиненных, с неуклонным чувством долга и достоинства. Популярность его была так велика, что Балтийский флот его хотел видеть преемником Грейга. Но поспешная прямота, чувство личного достоинства, непозволение наступать себе на ногу привело к наличию многих именитых врагов, и Екатерина II, считая его неуживчивым и строптивым, не поставила его во главе флота...»

Командующим был назначен скромный и добропорядочный человек, но нерешительный флотоводец — адмирал Василий Чичагов. Круз же остался при прежней должности. Подслащивая пилюлю, вице-президент коллегии Иван Чернышев писал ему: «Будьте уверены в искреннем моем желании доставить вам случай, где бы вы могли оказать свое усердие, искусство и храбрость, ибо ничем другим оказать не могу моей любви и почтения».

Всю зиму Круз готовил к боевым действиям свою резервную эскадру, а в июне взял курс на Фридрихс-гамский залив, где гребная флотилия принца Нассау-Зигена блокировала шведский гребной флот. Екатерина II поставила француза во главе гребных судов по причине его личной храбрости и международной известности (это был воистину непревзойденный авантюрист).

Четвертого августа Круз на яхте «Ласточка» прибыл в Роченсальм. Вечером того же дня он провел рекогносцировку рейда, на котором предстояло драться со шведами. Узкие проходы среди каменистых островов, через которые должны были прорываться русские моряки, вызвали у адмирала самые мрачные мысли.

— Всякий прорыв здесь будет кровав и погибелен, — заявил он сопровождавшим его офицерам.

На состоявшемся вечером того же дня военном совете Круз принялся доказывать всю пагубность затеи прорыва на Роченсальмский рейд.

— Нельзя атаковать здесь парусными судами, а надлежит вести в сии проливы погибельные галеры да скамповеи!— настаивал он.— Иначе кровью матросской берега зальем!

Нассау-Зиген, разъяренный прямою Круза, принялся обзывать заслуженного адмирала самыми обидными словами, которые успел выучить за свое недолгое пребывание в России. Багровый от негодования Круз сжимал кулаки, едва сдерживаясь.

— Хорошо,— выдавил он, когда принц умолк. — Я исполню ваше повеление и займу свое место по диспозиции, но, исполнив долг, я буду просить ее императорское величество об избавлении меня от вашей милости.

Нассау-Зиген ничего не ответил, зато в тот же день отписал жалобу в Санкт-Петербург. Через два дня пришел ответ Екатерины Крузу: «Если до сих пор не вышли по плану Нассау-Зигена и назначенной позиции не взяли, и в дело не вступили, то сдать команду... а самим через Фридрихсгам сухим путем возвратиться...»

— Боюсь быть оракулом,— сказал своим офицерам на прощанье вице-адмирал,— но думаю, много горя принесет нам сей Роченсальм и Нассау-Зиген...

Тринадцатого августа разгорелось ожесточенное сражение, вошедшее в историю как Роченсальмское Первое. Брошенный на произвол судьбы передовой отряд (которым должен был командовать Круз) в течение всего дня в одиночку атаковал весь шведский флот, неся огромные потери. Лишь к вечеру Нассау-Зиген ввел в бой главные силы. Шведы отступили, но цена победы была столь велика, что заставила задуматься многих... Принц же доносил самоуверенно в столицу императрице: «Надеюсь скоро прислать Вам известие о вторичной победе».

Год спустя принц еще раз попытает счастья в роченсальмских водах, атаковав шведов, как и в первый раз. Второй Роченсальм завершится полным разгромом русской гребной флотилии. Сильный шторм довершит поражение. Нассау-Зигена снимут с должности, а Россия недосчитается несколько тысяч своих сыновей... Так оправдаются все опасения Круза.

Но вернемся назад. После отстранения от должности опальный вице-адмирал был снова отправлен в Кронштадт, где занимался укреплением фортов и ремонтом поврежденных кораблей.

— Берегите своих людей,— внушал Круз капитанам.— Почем зря в пекло не бросайте! Поверьте мне, старику, что гибели их напрасной вы себе никогда не простите!

Гибель «Евстафия» с командой лежала тяжелым камнем на его душе.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Весной следующего, 1790 года вице-адмирал поднял свой флаг на флагманском корабле Кронштадтской эскадры. Он вновь был призван встать на защиту столицы от возможных посягательств со стороны шведов. Но никто еще не мог знать, что ему предстоит выдержать удар всей мощи главных сил неприятеля. А вскоре поступили и первые сведения от лазутчиков, что шведы и в эту кампанию предполагают нанести удар флотом по Санкт-Петербургу.

Обстановка осложнялась с каждым днем. Стало известно, что неприятельский флот под командованием брата короля герцога Карла Зюдерманландского уже покинул свои базы и движется по направлению к Финскому заливу. Екатерина II, нервничая, ежечасно спрашивала своего секретаря Храповицкого:

- Скажите мне, что сейчас делает Круз?

Близко знавший вице-адмирала Храповицкий отвечал твердо:

— Будьте уверены, ваше величество, он пересилит самого беса!

Неудовлетворенная ответом, императрица послала в Кронштадт Алексея Орлова (бывшего начальника Круза по Чесменскому походу) посмотреть, что и как. Прибыв на флагманский «Иоанн Креститель», Орлов спросил вице-адмирала с издевкой:

- Когда придут шведы в Кронштадт и Петербург?

Круз лишь указал рукой на свою эскадру:

- Только тогда, когда пройдут через щепу моих кораблей!

Вернувшись, Орлов доложил:

— Можешь спать спокойно, матушка. Круз, как всегда, строптив без меры и дерзок без удержу, однако настроен весьма воинственно и грозитя шведа от Кронштадта отбить...

Перед выходом в море вице-адмирал приехал попрощаться с семьей. Поцеловавшись с женой, велел ей при любом исходе сражения не покидать Кронштадт, дабы не вселять робость в души горожан.

Тем временем шведский флот нанес удар по Ревелю, где стояли на зимовке главные силы Балтийского флота под флагом адмирала Чичагова. Состоялось сражение, и Карл Зюдерманландский был отбит. Неудача не смутила герцога. Расчет его был верен: пока Чичагов опомнится от баталии и выйдет в море, у шведов будет несколько

выигранных дней. Этого вполне хватит для того, чтобы растерзать малочисленную эскадру Круза, прикрывающую Санкт-Петербург, и, высадив десант на берег Невы, продиктовать Екатерине II свои условия. Шведский флот спешил к Кронштадту на всех парусах.

Двадцать третьего мая 1790 года противники обнаружили друг друга и сразу же решительно начали сближаться, перестраиваясь на ходу в батальные колонны. Авангардом русской эскадры командовал храбрый моряк и большой друг Круза вице-адмирал Яков Сухотин, арьергардом — контр-адмирал Повалишин, центр возглавлял сам Круз.

В три часа утра командующий поднял сигнал: «Атаковать неприятеля на ружейный выстрел». Ударили первые залпы -- это вступили в бой корабли вице-адмирала Сухотина, и скоро сражение сделалось всеобщим. Всю мощь своего первого удара шведский герцог обратил против русского авангарда. Там было особенно жарко. Ожесточение боя нарастало с каждой минутой. От частого огня рвались орудия, калеча и убивая прислугу. В разгар боя пущенным в упор неприятельским ядром оторвало обе ноги Якову Сухотину. Вице-адмирал, однако, нести себя в корабельный лазарет не разрешил, а, истекая кровью на шканцах, продолжал командовать авангардом.

Один час сменял другой. Шведы все усиливали натиск. Однако прогуливавшийся по палубе «Иоанна Крестителя» Круз внешне был спокоен: курил свою любимую глиняную трубку и шутил с подчиненными. На адмирале был простой камзол с красной анненской лентой через плечо. Столь заметная мишень привлекла внимание шведских стрелков, около адмирала то и дело свистели пули. Оставаясь совершенно безучастным к личной безопасности, Круз весьма внимательно следил за безопасностью своих кораблей, то и дело отдавая необходимые приказания.

Один лишь раз побледнел командующий — когда сообщили ему о ранении Сухотина. Тотчас передав командование сражением капитану флагманского корабля, он на шлюпке устремился к авангарду, чтобы проститься с боевым товарищем. Невзирая на сильный огонь, он достиг цели и успел в последний раз обнять Сухотина. Обнял, поцеловал — и обратно. Под неприятельскими ядрами он обошел всю эскадру. Стоя на шлюпке во весь рост, залитый кровью убитого рядом матроса, он подбадривал команды, отдавал распоряжения капитанам. К всеобщему удивлению Круз остался жив и снова возглавил сражение.

К вечеру огонь шведов стал ослабевать; их корабли, туша пожары,

один за другим выходили из боя. Стихал ветер, и Карл Зюдерманландский занервничал: он боялся штиля. Герцог хорошо помнил, что Круз — известный мастер абордажа. Русская эскадра находилась в прежней позиции. Место боя осталось за ней!

Едва стихли последние залпы, Круз в шлюпке вновь обошел все корабли. Осмотрел повреждения и поздравил подчиненных с одержанной победой.

В тот же вечер Екатерина II получила донесение от Нассау-Зигена, находившегося с гребной флотилией у Выборга. Неизвестно по какой причине принц сообщал, что Круз наголову разбит и шведы вот-вот прорвутся к Санкт-Петербургу. Во дворце вспыхнула паника. Однако около полуночи пришло сообщение из Кронштадта, что Круз был атакован неприятельским флотом, но отстреливался с раннего утра до позднего вечера и остался на старом месте. Екатерина устало опустилась в кресло:

— Теперь я спокойна!— заявила она придворным. С рассветом следующего дня сражение возобновилось. Теперь шведский командующий наносил удар по русскому центру. «...Утром принц Карл Зюдерманландский вновь спустился на эскадру Круза, но не подходил близко и, желая воспользоваться многочисленностью своих кораблей, делал различные маневры, однако все хитрости неприятеля были безуспешны,— писал один из исследователей этой баталии.— И Круз везде противопоставлял ему искусный отпор». Пытаясь достать русские корабли на предельной дистанции, шведы палили ядрами в воду, чтобы те, рикошета, поражали противника, но это помогало мало. Наши всюду встречали шведов точным и яростным огнем. Ко всеобщему изумлению, в момент наивысшего напряжения на палубе флагмана русской эскадры грянула плясовая музыка! И сноваегие выдержав огня, шведы отступили. На этот раз они продержались лишь полчаса. Уже в сумерках Карл Зюдерманландский предпринял еще одну отчаянную попытку пробить брешь в стене русских кораблей. Подняв боевые флаги, шведы устремились вперед. Герцог торопился. Где-то на подходе к Финскому заливу вот-вот должна была появиться эскадра Чичагова. Но ведь у Круза в три раза меньше сил, чем у него! Два дня он продержался, но третьего, решающего удара ему не выдержать! Карл Зюдерманландский шел ва-банк.

Вновь загремели выстрелы, запрыгали по палубам ядра. Шведы напирали со всею мощью, и кронштадтцы изнемогали в неравной схватке. Положение русской эскадры стало отчаянно критическим — неприятелю удалось прорезать строй ослабленной Кронштадт-

ской эскадры. Карл Зюдерманландский уже торжествовал победу — его настойчивость вознаграждена! Однако герцог поторопился: он забыл, кто являлся его противником... По сигналу Круза вперед устремился бывший до того в резерве отряд фрегатов. Совершив лихой маневр, отряд атаковал неприятеля и заставил его отойти. Положение было восстановлено. Русская эскадра по-прежнему преграждала неприятелю путь к Кронштадту.

Наступило некоторое затишье. Шведы совещались, как быть дальше. Не терял времени и Круз. Еще утром, внимательно следя за ходом баталии, адмирал заметил, что противник начал делать холостые выстрелы, стараясь поддержать шум, сберегая в то же время свой порядком истраченный боезапас. Желая проверить догадку, Круз распорядился сделать поворот всей эскадрой на новый курс, чтобы сблизиться с неприятелем. Не приняв боя на кратчайшей дистанции, шведы стали поспешно отходить. Догадка командующего полностью подтвердилась!

Незадолго до полуночи по сигналу с флагмана малочисленная русская эскадра устремилась в погоню за противником. Опасность для столицы была снята: вдали уже белели передовые фрегаты эскадры Чичагова. Шведы, поставив все паруса, бежали к Выборгу. Круз преследовал их неотступно.

А Санкт-Петербург праздновал победу. Горожане стекли к окнам, выбитые от грома выстрелов. Длинной вереницей потянулись обратные беженцы. Имя Круза было у всех на устах!

Вскоре русский флот блокировал неприятеля у Выборга. Общее командование принял на себя адмирал Чичагов. Спустя месяц неприятель предпринял отчаянную попытку прорваться из окружения и, понеся большие потери, ушел в порты Швеции. Несмотря на новую победу, бегство остатков шведского флота вызвало у русских моряков известную досаду. Виновником происшедшего все справедливо считали Чичагова.

За победу в трехдневном сражении между Кронштадтом и Красной Горкой Круз был награжден одним из высших орденов империи — орденом Александра Невского, а по заключении мира со Швецией получил полный адмиральский чин, Георгиевский крест 2-го класса и шпагу с алмазами «За храбрость».

ЛЮБИМЕЦ ФЛОТА

Окончилась война, и теперь адмирал Круз ежегодно выводил в

море эскадры для практических плаваний. В свободное от службы время он проживал в Ораниенбауме. Екатерина II разрешила заниматься многочисленному семейству Крузов небольшой дворцовый дом поблизости от верхнего пруда и бывшей потешной крепости Петра III.

Отдыхая от флотских забот, адмирал распорядился под звуки оркестра ежедневно поднимать с восходом солнца в потешной крепости Андреевский флаг. А в полдень, обозначая обед, палить холостым зарядом из шестифунтовой пушки. Долго терпевшие столь беспокойное соседство помещики, не выдержав, в конце концов написали жалобу императрице на шумного адмирала.

Екатерина отнеслась к посланию спокойно.

- Передайте Крузу,— велела она своему секретарю,— пусть палит, ведь он привык палить!

Длинными летними вечерами на даче старый адмирал в кругу своей семьи распивал чай и любовался искусственным водопадом. В один из таких вечеров перед дремавшим в кресле Крузом предстал художник в широкополой шляпе.

- Господин адмирал,— сказал он, низко кланяясь,— позвольте мне, скромному труженику кисти, живописать вас в память потомкам.

Круз долго отказывался, но в конце концов уступил дружному натиску домашних. Опытному художнику понадобилось всего лишь несколько сеансов, и, писанный сухими красками на холсте, Круз предстал во всем блеске своих многочисленных наград. За спиной героя кипела жаркая морская баталия...

Адмиралу портрет понравился. Однако, приглядевшись получше, он заметил в нижнем углу надпись: «Громами отражая гром, он спас Петров и град и дом», Круз поморщился:

— Ваша милость хорошо потрудились, живописав мою натуру,— бросил он недовольно художнику.— Примите деньги. Но немедля сотрите сие сочинительство, потому как не имеете права оценивать деяния мои!

Художник в ответ улыбнулся:

— Я являюсь, ваше превосходительство, академиком-гравером Скородумовым и послан к вам государыней императрицей. Она же соизволила собственноручно сочинить сии вирши, а портрет с ними вручить вам от нее в дар!

Старик Круз был растроган. Одарив живописца золотой табакеркой, он тут же велел вывесить свой портрет в обеденном зале, а стихи

Екатерины внес в свой фамильный герб.

Жил адмирал довольно скромно, без особых излишеств. Дружбу водил лишь со старыми боевыми товарищами. Во дворец ездить не любил, считая это напрасной тратой времени. Но уж когда появлялся там, то привлекал всеобщее внимание своим видом, добродушной улыбкой и степенной походкой. Один из современников отмечал: «Александр Иванович был высокого роста, имел довольно открытый и пронизательный взор, живой и вспыльчивый характер. Строгий во всем, что относилось к службе, и столь же добрый в домашнем быту, Круз никогда не отказывал в помощи ближнему и, всегда защищая своих подчиненных, приобрел любовь их и уважение».

Умерла Екатерина II, и на престол вступил Павел I. Шестого ноября 1796 года в сопровождении младшего сына и двух адъютантов Круз отправился в столицу, чтобы принести официальные поздравления Павлу в связи с восшествием на престол. Но доехать до Зимнего дворца адмирал не мог: путь преградили натянутые поперек улицы веревки. Адмирал высунулся в окошко возка:

- Я адмирал Круз, спешу во дворец, пропустите немедленно!

Его императорским величеством не велено пускать ко дворцу экипажи, когда там идет развод,— ответил полицейский.— Хотите, следуйте пешком!

Круз прислушался. Со стороны Зимнего гремели барабаны, пронзительно свистела флейта — новый император проводил один из своих первых разводов. Кряхтя, адмирал вылез из возка. Адъютанты подхватили его под руки и повели ко дворцу. Круз едва переступал больными ногами. В это время его увидел Павел и сразу поспешил навстречу.

— Мой друг, я иду к тебе, остановись!— закричал он Крузу, размахивая треуголкой.

Подойдя к адмиралу, император обнял и расцеловал его:

— Благодарю тебя, Александр Иванович, за твое ко мне усердие,— сказал он.— Желал бы пригласить тебя к себе, но ноги твои так слабы, что прошу тебя возвратиться...

И, еще раз обняв Круза, Павел пошел к разводу.

Столь необычная милость императора привела в изумление всю столицу. А вскоре последовала и новая милость — награждением орденом Андрея Первозванного. Однако чуть погодя император сменил милость на гнев и, получив на Круза донос, назначил по адмиралу расследование. Обиженный Круз подал в отставку. Узнав об этом, Павел I извинился, и адмирал вернулся на службу.

Круз со своим упрямством стал в Петербурге фигурой нарицательной. Когда хотели кого-то упрекнуть в несговорчивости, говорили: - Ну, это просто Круз!

Своенравность старого адмирала, однако, весьма часто шла на пользу. Так, после долгих споров с императором Круз добился замены прусской формы одежды для морских офицеров на более удобную. Событие по тем временам невероятное! Надо ли говорить, как благодарны ему были на флоте, когда взамен тяжелых ботфортов ввели короткие облегченные сапоги, вместо треуголок — фуражки, а нелепые краги с раструбами заменили на обычные перчатки!

Здоровье адмирала меж тем быстро ухудшалось. К ожирению добавилась тяжелая болезнь ног, часто болело сердце.

Весной 1799 года адмирал готовился, как всегда, возглавить плавание корабельной дивизии. Флагманский корабль «Ростислав» ждал своего командующего, но Круз уже не мог подняться с постели. Узнав о болезни адмирала, Павел I распорядился немедленно перевезти Круза из Кронштадта в Ораниенбаум на отдых и лечение. Первого мая 1799 года его доставили на катер.

— Поднимите меня, хочу в последний раз взглянуть на любимцев моих!— Старик плакал.

Офицеры взяли в руки концы одеяла, на котором лежал адмирал, и подняли его. Вдалеке виднелись паруса кораблей Балтийского флота России. Они готовились выйти в море, готовились к новому походу, но впервые без Круза...

Пятого мая в десять часов пополудни сердце старого адмирала остановилось. Было ему тогда семьдесят два года.

Корабли приспустили флаги, офицеры в знак траура вплели в галстуки черные ленты. Проводить Круза в последний путь вышел весь флот. Многотысячная толпа заполнила Кронштадт.

На скромном надгробии его могилы, что находится на Кронштадтском морском кладбище, выбили согласно завещанию Круза лишь две строки:

*Громами отражая гром,
Он спас Петров и град и дом...*

КАПИТАН МУЛОВСКИЙ

*Ступай и встань среди окояна
И брось своих гортаней гром.*

Гавриил Державин

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

В самый разгар русско-шведской войны в середине июля 1789 года на широте южной оконечности острова Эланд Балтийский флот России обнаружил шведов. Крепкий ветер разогнал столь крутую волну, что на кораблях с обеих сторон задраивали порты нижних деков. Весь день противники держались в виду друг друга, борясь со штормом. На следующее утро, когда волнение немного спало, оба флота начали сближение. Первыми в бой вступили арьергарды. Глухо ухали выстрелы, и ветер стелил клубы дыма над волнами. Было два часа пополудни. Передовым у русских шёл линейный корабль «Мстислав» под командой капитана бригадирского ранга Муловского. Шведы, стараясь использовать своё численное преимущество, пытались отсечь передовые русские корабли от основных сил. Против «Мстислава» сражалось сразу семь неприятельских линкоров. Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Чичагов посылал на «Мстислав» одно донесение за другим, требуя, чтобы Муловский, насколько возможно, жался к своим задним мателотам. Но вопреки приказам адмирала «Мстислав», насколько возможно, сближался со шведскими кораблями, ведя ожесточённый артиллерийский бой сразу с семью вражескими судами!

Огонь его был ужасен для неприятеля. Пушки «Мстислава» буквально вычищали палубы шведов, производя там страшное опустошение. То, что делал капитан Муловский со своей командой, было невероятно. Не выдержав его огня, в панике покинули строй и спустились за линию сражения сразу три линейных корабля противника. Получил повреждения и «Мстислав», но в считанные минуты устранив их, снова пошёл в бой и снова заставил врага отступить.

Теперь, ведомый рукой своего отважного капитана, «Мстислав» сражался со шведскими кораблями на дистанции пистолетного выстрела, поражая неприятеля орудиями левого борта. Когда шведское ядро перебило переднюю мачту, капитан Муловский бросился осматривать повреждения. Стоя во весь рост под пушечным огнём, он хладнокровно отдавал распоряжения о починке фок-мачты. Над головой просвистели одно за другим три ядра. Четвёртое, пущенное в упор, пробило стоявшие на палубе шлюпки и ударило капитана в бок. С глухим стоном Муловский рухнул на палубу.

К упавшему капитану подбежали капитан-поручик Эссен, лейтенант Ваня Крузенштерн. Муловского подхватили на руки.

— Братцы! Что бы ни случилось, не сдавайте корабль! — твердил он несущим его. — Положите меня на шканцах, я ещё ваш командир и должен руководить боем!

Подбежал корабельный лекарь. Распахнув свой сундучок, принялся осматривать рану.

— Я знаю, — скрипел зубами от невыносимой боли Муловский, — у меня оторвана нога.

— Ваша нога цела, господин капитан, — говорил ему лекарь, пытаюсь пережать щипцами кровеносные сосуды. — У вас бок вырван!

— Это плохо, что бок, — закрыл глаза капитан «Мстислава». — Делайте что надо!

— Будет очень больно! — сказал лекарь, засучивая рукава и раскладывая подле себя инструменты. — Примите водки.

— Нет, — мотнул головой капитан. — Я потерплю и так!

Над головой завывали шведские ядра. Остро пахло порохом и уксусом. Внезапно раздалось мощное «ура» — метким выстрелом с «Мстислава» на шведском корабле сбило флаг.

— Что такое случилось?! — приподнялся на локтях смертельно бледный Муловский.

— Никак, ваше высокоблагородие, швед флаг спустил, в плен сдаётся! — прокричал стоявший рядом Эссен.

Муловский вяло махнул рукой:

— Пошлите мой катер за флагом! — И поднял глаза на стоявших рядом офицеров. — Жить мне осталось совсем немного. С каждой минутой силы покидают меня всё более. Передайте графу Чернышёву, что слово своё я сдержал и принял смерть, для каждого моряка почётную! Супруге же его Анне Александровне на словах скажите, что прошу её не оставлять вниманием домашних моих, а невесте передайте слова мои, что любил я её и помнил до последней минуты своей смертной.

Эссен, глотая слёзы, велел звать корабельного батюшку. Исповедавшись, Григорий Иванович некоторое время смотрел на проносящиеся по небу облака. Губы его, искусанные от невыносимой боли, что-то шептали, в глазах стояли слёзы...

Наклонившись к умирающему, капитан-поручик Эссен расслышал его последние слова:

— Вам завещаю исполнить то, что сам не успел, — проделать вояж кругосветный!..

И голова капитана откинулась в сторону, тело дёрнулось и замерло, теперь уже навсегда... Не стыдясь слёз, стояли рядом офицеры и матросы. Закрыв лицо руками, рыдал любимец бригадира лейтенант Крузенштерн. Линейный корабль «Мстислав», качаясь на крутых волнах, продолжал бой...

Эландский бой завершился победой русского флота. Шведы так и не смогли помешать соединению у острова Борнхольм главных сил флота с эскадрой вице-адмирала Тимофея Козлянинова, зимовавшей в Копенгагене.

Вечером в кормовом салоне флагманского корабля вице-адмирал Чичагов, хлебосол и матерщинник, скрипя гусиным пером, выводил на бумаге размашисто: «...Вред, неприятелю причинённый, хотя и неизвестен мне, но, судя по тому, что двое из кораблей его, ата-

ковавших против авангардии нашей, быв весьма храбро отражены крайним кораблём нашим под командою капитана Муловского, принуждены были выйти из линии, можно почитать немалым; с нашей стороны убитых не более 30 человек да раненых 170... Вред не так бы был велик, ежели бы, к общему всех служащих во флоте сожалению, не лишились мы в сём случае уважаемого начальниками и любимого подчинёнными своими храброго и лучшего капитана Григория Ивановича Муловского. Не без прискорбия моего, нахожу за надобное не скрыть об нём перед В.С., зная, сколь великое участие в нём принимать изволите, но уверяю В.С., что смерть его служит честью российскому воинству. Быв поражён в бок неприятельским ядром, последние слова его не были иные, как служащие к ободрению подчинённых своих храбро и неустрашимо отражать неприятеля. Сие, по крайней мере, истинное моё уведомление да послужит В.С. к уменьшению сожалеания о пресечении жизни столь хорошего офицера».

Чичагов отложил в сторону донесение о сражении вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Ивану Григорьевичу Чернышёву. Постоял на кормовом балконе. Ветер трепал низко надвинутый парик. За кормой «Ростислава» белел парусами растянувшийся до горизонта Балтийский флот, вписавший в свою славную историю ещё одну победу над врагом.

— Почему всегда погибают лучшие? — задал вопрос вице-адмирал и тут же сам ответил на него: — Потому что лучшие всегда впереди остальных!

Вернувшись в салон, Чичагов снова взял в руки перо. На этот раз он писал письмо жене Чернышёва графине Анне Александровне, ставшей для Муловского второй матерью: «Я не имею довольно смелости писать к В.С. о приключении, которое, без сомнения, наносит много огорчения чувствительному сердцу вашему. Григорий Иванович Муловский сколь ни славно кончил жизнь свою, но сие отнюдь не награждает потери любимого всеми человека. Я очевидно был свидетелем сего происшествия и могу удостоверить В.С., что невозможно было более сделать для чести имени своего».

Вошедшему в салон адъютанту Шишкову вице-адмирал сказал с печалью:

— Много славных дел оборвало это треклятое ядро, но главное из оных — вояж вокругсветный, о коем он так мечтал...

ПУТЬ МОРЯКА

Шишков лишь склонил голову. Всё было ясно... Родился Григорий Муловский в Кронштадте в 1755 году. Рано оставшись сиротой, воспитывался в семье Ивана Григорьевича Чернышёва. В 1770 году по собственному желанию Гриша был отправлен на учёбу в Англию, одновременно по прошению графа Чернышёва Екатерина II повелела решить вопрос «О записании в корпус находящегося в Англии недоросля Муловского». Год, проведённый в стране, издавна славящейся морскими традициями, многому научил Григория. Особенно же большое впечатление на него произвели известия об экспедиции Джемса Кука. В следующем году он возвращается домой, где его ожидает звание гардемарина. В 1772 году Григорий Муловский, окончив морской корпус первым по списку, просится на корабли, но его не пускают. Первая должность мичмана Муловского весьма ответственна и необычна — он становится адъютантом при адмирале Ноульсе — из династии английских моряков.

Дело в том, что в 1771 году Екатерина II пригласила на русскую службу английского адмирала баронета Ноульса. Слава о семидесятилетнем адмирале ходила громкая. Говорили, что он прослужил на море свыше пятидесяти лет, участвовал в тринадцати генеральных баталиях, управлял Ямайкой, изобретал хитроумные машины и составлял планы захвата новых колоний. На русскую службу адмирал согласился после длительных переговоров, запросив себе жалованье в шесть тысяч рублей. Русским адмиралам платили три тысячи шестьсот. Но императрица согласилась. Ноульс потребовал себе старшинства по сравнению со всеми российскими адмиралами. Екатерина приняла и это. Уж больно славен и известен был он в Европе. Долго выбирали знаменитому иноземцу и адъютанта. Смотрели и так и этак: чтобы сообразительным был, языками владел да в деле морском разбирался. Глянули в списки корпусные. Кто первым там? Муловский. А что о нём коллегия скажет? А вице-президент граф Чернышёв?

Работать с Ноульсом было нелегко. Делами адмирал особо не занимался, а целыми днями устранял недоимки по морскому ведомству.

— Я, — твердил он Муловскому, — второй отец вашего флота, а за труды свои заслуживаю здесь, в России, золотого памятника!

Долгими расчётами себя адмирал, впрочем, не утруждал. Установив годовую недостачу в пятьсот одиннадцать тысяч сто шестьдесят семь рублей, он лихо вписал ещё два ноля и получил уже пятьдесят миллионов одиннадцать тысяч сто шестьдесят семь рублей. Таким же манером преобразовывались и другие части морского ведомства.

Понимал ли тогда Гриша Муловский, с кем он имеет дело? Видимо, нет: уж больно хитёр и опытен был старый адмирал. Но чем дальше, тем большее недоумение вызывали дела англичанина у его адъютанта. Так, Ноульс совершенно серьёзно предлагал «улучшить» Кронштадтский порт, который, по его мнению, занимал более места, чем ему положено...

Однако все «преобразования» Ноульса до поры до времени сходили ему с рук. Екатерине II нравился этот хамоватый и остроумный англичанин. Как-то, сопровождая адмирала в Зимний дворец, Муловский стал свидетелем одной из устроенных Ноульсом сцен. Вооружившись бумагой, адмирал принялся докладывать через адъютанта свои соображения о возможности дальнейших преобразований императрице. В это время за окном, выходящим на Неву, послышался шум. Прытко подбежав к окну и отдёрнув штору, Ноульс увидел, как два русских судна навалились на французский торговый бриг.

— Что там случилось, адмирал? — спросила Екатерина.

— Пустяки, ваше величество, два русских медведя давят французскую мартышку!

Ничего не поняв, императрица подошла к окну, а потом долго смеялась над сказанным...

Шутки шутками, но в конце концов отправили Ноульса в действующую армию на юг. Вместе с ним выехал и Муловский.

Шёл 1772 год. В самом разгаре была война с Турцией, и русское командование торопилось создать на Дунае в противовес неприятелю сильную и боеспособную флотилию. Это и вменялось в обязан-

ность английскому адмиралу. Но, к всеобщему удивлению, деятельность Ноульса пошла совсем в ином направлении. Вместо того чтобы создавать на Дунае флотилию, он рьяно принялся уничтожать то немногое, что уже было создано.

— Эти суда сделаны не в совершенной пропорции, как требует английская корабельная наука! — указывал он тростью на остовы строящихся судов. — Переведите же, мичман, всем этим остолопам!

Стоявшие рядом мастера из запорожцев зло крутили свои сивые усы, не понимая, о какой такой науке речь идёт.

— На таких стругах ещё батьки да деды наши турчина по всему морю Чёрному гоняли!

— Варвары, чистые варвары! — грозил им тростью адмирал. — Сжечь все эти страшные лодки до единой!

И запылали костры над широким Дунаем. Строить же новые суда в соответствии со всеми правилами английской корабельной науки Ноульс не особенно торопился. Один месяц сменял другой, а работы даже и не начинались. Не имея средств к пропитанию, стали постепенно разбредаться плотники и другие мастера, с таким трудом собранные для создания флотилии. Воровской люд опустошал склады и магазины с заготовленными припасами. Улучив подходящий момент, Муловский всё же сумел сбежать на некоторое время от своего бездеятельного патрона на корабли Азовской флотилии. Вместе с лихим капитаном Кингсбергенем он участвовал в крейсерстве крымских берегов и показал завидную храбрость и мужество в боевых столкновениях с турками.

А Ноульс тем временем устраивал на казённые деньги роскошные приёмы да заверял командующего Дунайской армией фельдмаршала Румянцева, что всё идёт своим чередом.

— Что же это делается: все думают, что мы вот-вот погоним турок с Дуная, а у нас и нет ничего — вместо флотилии один пшик! — ругались промеж себя немногие офицеры-дунайцы, изнывавшие от безделья.

Больше Григорий Муловский терпеть не мог. Сел мичман в один из тёмных южных вечеров за стол, зажёл свечу, очистил перо и, придвинув к себе бумагу, написал обо всём графу Ивану Чернышёву и императрице в Петербург. К письмам приложил скреплённые печатями документы.

А наутро, придя к адмиралу, рассказал ему об отправленных бумагах.

— Негодяй! — закричал багровый от злобы Ноульс. — Этот подлый донос я всё равно перехвачу, а с тобой расправлюсь позже...

— Осмелюсь доложить, что я не негодяй, а верный сын Отечества своего. Бумага же моя не донос, а верное изложение действия, здесь происходящего!

Письма своего мятежного адъютанта Ноульс перехватить не успел: ещё ночью с верным человеком они были отправлены в столицу. Скоро письма достигли адресатов и наконец-то пролили свет на безобразия, происходящие на Дунае.

Сигналы о непотребном и даже преступном поведении британского адмирала поступали в Адмиралтейств-коллегию и раньше, но теперь, когда перед вице-президентом Чернышёвым лежали и документы по деятельности Ноульса, всё стало ясно окончательно.

Немедленно последовал высочайший ордер на отзыв Ноульса в Санкт-Петербург, причём велено было произвести это столь поспешно, что граф Брюс, которому вменялось в обязанность проследить исполнение приказа, писал Ноульсу в Яссы: «Я получил приказание императрицы не останавливать вас в карантинах, как только для одной курки».

На юге страны в это время свирепствовала холера, и кордонные мероприятия были одинаково строги ко всем, независимо от званий и чинов.

В Петербурге адмирала Ноульса уже ждала записка императрицы следующего содержания: «...Если Вы хотите уехать отсюда, то я не вижу никаких препятствий...» Принять адмирала Екатерина не поже-

лала. В несколько дней Ноульс был рассчитан и изгнан из России.

Вскоре прибывший в Петербург Григорий Муловский предстал перед своим учителем и воспитателем Иваном Чернышёвым.

— Ну, Гришенька, куда желаешь теперь служить идти? — спросил тот своего воспитанника, когда он подробно поведал об адъютантстве у Ноульса.

— Для моряка, ваше сиятельство, имеется лишь одна высшая награда — плавать на кораблях, а не ездить на перекладных!

— Ну что ж, — засмеялся вице-президент, — быть по сему!

В тот же год Муловский совершил плавание на пакетботе от Кронштадта до Любека и обратно, а осенью 1773 года отправился с эскадрой контр-адмирала Самуила Грейга в Средиземное море на флагманском корабле «Исидор». Эскадра спешила усилить русский флот, блокировавший в это время Дарданеллы, но поспела только к заключению мира.

— Ну почему я такой невезучий? — сокрушался Муловский. — На Дунае повоювать не удалось и на море Средиземном — тоже!

Было Грише Муловскому тогда лишь девятнадцать лет. Его манили дальние моря и приключения. Мичман знал наперечёт всех знаменитых мореплавателей прошлого и втайне мечтал о несбыточном — о кругосветном вояже.

САМЫЙ МОЛОДОЙ КАПИТАН РОССИИ

В 1774 году Григорий Муловский переводится на Чёрное море и совершает плавание в Константинополь на фрегате «Наталья». Затем пришлось испытать сильнейший шторм на фрегате «Слава», а вскоре снова Средиземноморье. Там, в Архипелаге, находилось несколько балтийских фрегатов, которые Адмиралтейств-коллегия пыталась под видом торговых судов перебросить через Дарданеллы и Босфор для усиления зарождающегося Черноморского флота. Лейтенант Григорий Муловский получил под команду своё первое судно — фрегат «Святой Николай» в отряде Тимофея Козлянинова. Вторым

фрегатом отряда «Святой Павел» командовал капитан-лейтенант Фёдор Ушаков. Молодые капитаны скоро стали друзьями, а суда их постоянно соперничали в лихости манёвров и быстроте постановки парусов.

Служба в Архипелаге была интересной. Отряд фрегатов почти всё время находился в море, и Муловский очень много плавал, совершенствуя своё мастерство, изучая театр возможных боевых действий.

Попытка провести фрегаты в Чёрное море не удалась. Турки, разгадав обман, запретили «торговым судам» проход через свои проливы. После нескольких лет пребывания в Архипелаге отряд Козлянинова вернулся на Балтику. Тогда эта экспедиция была расценена как неудачная, о ней быстро забыли. Но была ли она таковою? Ведь там, на Средиземном море, прошли великолепную морскую школу многие морские офицеры. Среди них и Ушаков с Муловским. И кто знает, может, именно там лежат истоки успешной деятельности адмирала Ушакова на Средиземном море в 1798–1800 годы, может, именно там Муловский окончательно поверил в свои силы, в то, что способен возглавить кругосветную экспедицию.

На острове Менорка лейтенант Муловский по приказанию из Петербурга передаёт командование фрегатом своему старшему офицеру, а сам принимает под начало гружённый товарами английский транспорт, на котором и прибывает в Кронштадт. Ещё не успели разгрузить английское судно, а Григорий Муловский уже поднимает паруса на фрегате «Святой Марк» и отправляется в новое плавание.

Обветренный и возмужавший, он вернулся в Петербург, когда Финский залив уже покрылся первой коркой льда. Муловский стал готовить свой фрегат к новой кампании. Между тем Анна Александровна устроила мужу форменный скандал.

— Ты что делаешь? — ругалась она. — Пусть мальчик хоть годочек побудет дома, не век же ему по чужим краям маяться!

В расстройстве сильном граф Иван Григорьевич бумагу соответствующую и подмахнул. Когда же Гриша заехал к ним на побывку, отвёл его вице-президент в сторону, взял под локоток и признался:

— Грех я, Гришенька, взял на душу, уступил Анне Александровне. Отныне ты не капитан фрегатский, но капитан коттерный!

— За что же немилость такая, ведь не штрафился я по службе нигде, а коттер, ныне вами мне под начало предназначенный, в сравнении с фрегатом моим — что дворняжка рядом с борзой!

— Не в пропорциях дело, Гришенька, — похлопал его по плечу Чернышёв. — Коттер сей не простой, а придворный. Отдохнёшь на нём годика два, знакомства новые заведёшь, глядишь, и невесту себе там подыщешь!

Поглядев на своего любимца и увидев, что речь его действия не возымела, граф, чтобы как-то утешить опечаленного лейтенанта, спросил:

— Ну а какая твоя самая заветная мечта будет?

— Мечта моя поистине несбыточна! — вздохнул Муловский.

— И всё же?

— Мечтаю принять участие в кругосветном путешествии российском!

— Ну и ну! — почесал затылок вице-президент Адмиралтейств-коллегии.

На том разговор и закончился.

Всю кампанию 1777 года Григорий Муловский провёл в плаваниях между Красной Горкой и Петергофом. Возил туда-сюда особ высоких. Особы пили да гуляли, а капитан следил, чтобы они по делу пьяному за борт не попадали да в целостности-сохранности на берег доставлены были.

Друзьям своим он за стаканом вина признавался не единожды:

— Такого понасмотрелся, что во всю жизнь не отплюёшься! Куда угодно и кем угодно пойду, но на будущий год коттер в море выводить не стану!

Примерно в то же время товарищ Муловского по Средиземноморскому отряду капитан 2-го ранга Фёдор Ушаков, назначенный Чернышёвым капитаном придворной яхты, презрел карьеру и упросил перевести его на юг в неведомый тогда никому Херсон, где закладывались первые линейные корабли будущего Черноморского флота. Так поступали люди, искренне преданные своему делу и готовые пожертвовать всем ради пользы Отечества...

Слово своё Григорий Муловский сдержал и на будущий год буквально сбежал в Архангельск на новостроящийся корабль «Слава России». Должность там ему досталась хлопотливая — старшего офицера. Забот по приёмке нового корабля было много, однако Муловский справился с ними. К весне 1778 года на корабле подняли трёхцветный вымпел и, распустив паруса, отправились в плавание вокруг Скандинавии. Удачно проскочив все моря и проливы, «Слава России» в июле бросила якоря на Кронштадтском рейде.

Корабль поспел как нельзя кстати. Балтийский флот в это время спешно готовил сразу несколько эскадр для походов на океанские просторы. Дело в том, что в ходе англо-французской войны испанские и британские военные корабли чинили разбой по отношению к торговым судам нейтральных государств. Стараясь причинить своему противнику как можно больший вред, англичане хватали все суда подряд, в том числе и русские. Возмущённая таким поведением Лондона, Екатерина II объявила о создании новой международной системы вооружённого нейтралитета, к которому тут же присоединились почти все государства Европы. Для защиты европейской и своей собственной морской торговли и посылались в море боевые эскадры России: в Средиземное море корабли повёл контр-адмирал Борисов, в Северное — контр-адмирал Хметевский, в Атлантику — контр-адмирал Полибин.

Мог ли усидеть в такое горячее время на берегу Муловский? На фрегате «Михаил» он ушёл в плавание в составе эскадры Хметевского. В штормовом Северном море под началом опытного адмирала мужал молодой офицер. Крейсирование эскадры Хметевского было не из лёгких. Путь её лежал в Ледовитый океан к острову Кильдюин (Кильдин)...

С возвращением эскадры в Кронштадт Муловский выложил перед Чернышёвым свой прожект кругосветного вояжа.

— Это уже пятый! — сказал. — Но те вышли неказистыми, а этот, по моему разумению, достоин внимания вашего сиятельства!

Чернышёв прожект взял, автору же заявил так:

— За сей документ тебе спасибо, а сейчас пока готовься в вояж сухопутный. Вот тебе пакет секретный. Его надлежит доставить в целости и сохранности нашему посланнику в Ливорно.

Необычное и опасное задание Муловский исполнил блестяще. Едва вернулся — новое назначение, на этот раз флаг-капитаном эскадры контр-адмирала Сухотина, уходящей в Средиземное море. Снова трудности похода, шторма. Но, как и раньше, немногими свободными вечерами в тесной каютке линейного корабля «Святой Пантелеймон» он высчитывал маршруты своей кругосветной экспедиции, мечтал об открытиях и приключениях...

Через год капитан-лейтенант Муловский возвращается в Кронштадт, получает под команду новый линейный корабль «Давид Сасунский» и сразу же уходит на нём в Средиземное море, на этот раз в составе эскадры контр-адмирала Чичагова. Учитывая опыт и находчивость Муловского, ему поручили продажу в Неаполе партии русского железа. И здесь молодой капитан оказался на высоте. Проявив изрядную предприимчивость и смётку, он удачно продал весь товар.

В январе 1784 года Григорий Иванович Муловский был произведён из капитанов 2-го ранга в капитаны 1-го ранга. Этим же указом был произведён в капитаны 1-го ранга и командир черноморского линейного корабля «Святой Павел» Фёдор Фёдорович Ушаков. Судьбы этих замечательных людей снова пересеклись, к сожалению, теперь в последний раз...

Вновь в России Григорий Иванович оказался только через два года.

— Тебе, Гришенька, и о женитьбе подумать всерьёз надо! — заявила ему в первый же день по возвращении графиня Анна Александровна. — У меня уже и невеста на примете есть. Лицом хороша, из семьи приличной!

— Чтобы жениться, надо время иметь немалое, — виновато улыбнулся капитан 1-го ранга. — А у меня оно и нет вовсе, да к тому же не совершенно ещё мною главное дело всей моей жизни.

— Что ж это за дело такое важное, что, не сделав оно, под венец идти нельзя?! — разволновалась графиня не на шутку.

— В плавание он всё кругосветное собирается, почитай, уже лет пять! — разъяснил ей тайну своего любимца подошедший Чернышёв.

— О господи, — перекрестилась графиня. — Мало, что ли, ты, Гришенька, по морям плаваешь, так тебе ещё вслед за англичким капитаном Куком хочется! Так ведь съели дикие Кука этого! Неужто и ты хочешь себе судьбы такой?!

Графиню как мог успокоил супругу:

— Слава богу, Аня, что пока государыня сей вояж делать не предполагает! Хотя наш Гришенька меня сим путеплаванием Куковым уже доконал вконец!

По прибытии в Кронштадт принял Григорий Иванович под команду корабль «Иоанн Златоуст», а вскоре другой, «Иоанн Богослов», на котором ходил в поход по Балтике под флагом вице-адмирала Круза.

ВО ГЛАВЕ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

А в это время на орбитах большой политики происходили события весьма важные. Острое соперничество морских держав за обладание колониями обратило к 1786 году их внимание на русские владения на Дальнем Востоке. Оценив сложившуюся обстановку, вице-президент Иностранной коллегии Александр Безбородко и русский посол в Англии Александр Воронцов принялись настойчиво убеждать Екатерину II в необходимости послать для охраны русских поселений на дальневосточном побережье от вероятных нападений сильный отряд боевых кораблей. Попутно граф Безбородко и граф Воронцов предложили императрице воспользоваться возможностью установить торговые связи с Японией и Китаем, а также доставить ряд грузов в тихоокеанские порты. Задача была куда как сложна: ведь ещё ни один русский корабль не плавал так далеко и долго!

— Да ведь это будет вокругсветное путешествие?! — изумилась императрица, когда Безбородко с Чернышёвым сообщили ей о своих намерениях. — Готовы ли мы к столь многотрудному предприятию?

— Готовы, ваше величество! — ответил ей вице-президент Адмиралтейств-коллегии. — К тому же генерал-майор Соймонов долгое время доносит о нарушении наших вод восточных судами иноземными. Так с какой стати нам, россиянам, терпеть позор такой? Пора б уже и отпор дать достойный!

— А готовы ли мы оказать нашим мореходцам помощь дипломатическую? — повернулась Екатерина к Безбородко.

— Готовы, матушка! — отвечал вице-президент коллегии иностранной.

Императрица ненадолго задумалась.

— Хорошо! Александр Васильевич! — сказала она чуть погодя. — Пишите указ! Может, и вправду пора флоту нашему выходить на просторы вокругсветных дорог!

Двадцать второго декабря 1786 года секретный указ был готов. Он гласил: «Секретный указ нашей Адмиралтейской коллегии. Прилагая при сём копию указа, нашей Коллегии иностранных дел данного по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных и на восточном море о сохранении права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые, повелением нашей Адмиралтейской коллегии отправить из Балтийского моря два судна, вооружённые по примеру употреблённых капитаном Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооружённые же шлюпки морские или другие суда по лучшему её усмотрению, назначаем объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Сондский пролив и оставя Японию в левой стороне, идти на Камчатку...»

Сразу же встал вопрос о начальнике кругосветной экспедиции. Достойных кандидатур было много: от известного полярного исследователя контр-адмирала Чичагова до молодых энергичных капитанов. Члены коллегии сошлись в одном — чтобы был глава экспедиции достаточно молод, всесторонне образован, имел хороший опыт

командования судами в дальних походах и, самое главное, чтобы он всей душой и сердцем своим желал участвовать в сём многотрудном плавании. Решали долго, но когда граф Иван Чернышёв выложил перед заседающими все скопившиеся у него кругосветные прожекты Муловского, решение членов Адмиралтейств-коллегии было единодушным — начальником экспедиции должен быть назначен капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский.

Руководителю первой русской кругосветной экспедиции шёл тогда всего лишь тридцать первый год, за плечами были многие годы плаваний. В его послужном списке факт назначения на эту многотрудную и почётную должность записан так: «Избранием (именно избранием, а не назначением. — В.Ш.) начальником первого кругосветного плавания Муловский обязан своей деятельной службе, доставившей ему репутацию лучшего морского офицера, и своему разностороннему образованию. Между прочим, он знал языки французский, немецкий, английский и итальянский».

Сам Муловский тем временем находился в Архангельске, готовя к переходу на Балтику только что построенный линейный корабль. Вскоре после решения коллегии его срочно отозвали в столицу. Надо ли говорить, как обрадовался капитан. В Санкт-Петербург как на крыльях летел! А там сразу за дела! Дел-то хватало...

Вначале хотели было снаряжать в экспедицию фрегат «Африка», но затем оставили эту затею. Фрегат находился в строю уже более двадцати лет, ещё в Чесменском сражении участвовал, пришёл в ветхость. По настоянию Муловского было решено отбирать в экспедицию суда надёжные, а размерениями почти такие же, как у английского капитана Кука. Всего в экспедицию было определено пять судов: два побольше — «Холмогоры» и «Соловки», два поменьше — «Сокол» и «Турухтан» — да транспортное судно «Смелый» для отвоза в Охотский порт крепостной артиллерии и других нужных вещей.

В указе о задачах экспедиции Муловского значилось: «...Объявить официально о наших открытиях у северо-западных берегов Америки и тем утвердить право на обладание открытых земель... Но как такое объявление без существенного подкрепления едва ли достаточным будет, а может ещё некоторым образом подвергнуть и достоинство двора, то завести на том море несколько военно-морских судов,

которые б могли на самом деле выполнить запрещение...»

Тогда же определили маршрут плавания: через Атлантику, мимо мыса Доброй Надежды, Индийским океаном и вдоль китайского побережья к восточной оконечности России. По ходу плавания было предписано «обойти и описать все малые и большие острова... причислить формально ко владению Российского государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойном месте».

Капитаном «Соловков» был назначен капитан 2-го ранга Алексей Михайлович Киреевский — опытный, волевой офицер, участник Первой Архипелагской экспедиции. Капитаном «Сокола» — капитан-лейтенант Ефим Карлович фон Сиверс, плававший ранее в Ост-Индию на английском судне. Неоднократно совершали дальние плавания капитаны «Турухтана» и «Смелого» капитан-лейтенанты князь Трубецкой и Сарычев. Командование «Холмогорами» взял на себя сам начальник экспедиции.

Остальных офицеров подбирали уже Муловский. При этом особое внимание он обращал на опыт дальних плаваний, теоретическую подготовку и особенно — на умение вести опись побережий и островов.

Третьего февраля 1787 года Муловский представил в Адмиралтейств-коллегию список штаб- и обер-офицеров, изъявивших желание отправиться в дальний вояж. В него вошли, не считая офицеров «Смелого», четыре штаб-офицера, двенадцать лейтенантов, десять мичманов и один «морской артиллерии констапель».

По такому же принципу вёлся и отбор нижних чинов. Подавляющее большинство их являлось участниками средиземноморских походов. Общее число участников экспедиции составило 545 человек.

Суда экспедиции усиленно готовились к плаванию. Днища обшивали медью, меняли рангоут и такелаж, укрепляли корпус. Отправиться в плавание предполагалось осенью 1787 года. В декабре планировался выход судов экспедиции из Англии. Далее намечалось проследовать к мысу Доброй Надежды, пополнить запасы и взять курс к дальневосточным берегам. На подходах к ним транспортное судно «Смелый» должно было отделиться от отряда и самостоятельно следовать в Петропавловск-Камчатский с орудиями для крепостной артиллерии.

Специальным указом Екатерины II предусматривалось поощрение начальника экспедиции. «...Когда пройдёт он Канарские острова, — говорилось в указе, — да объявит себе чин бригадира; достигши мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Святого Владимира 3-го класса; когда дойдёт до Японии, то и получит уже чин генерал-майора». На монетном дворе спешно изготовлялись «потребные гербы для ознаменования открытия островов...»

Особое внимание было уделено подготовке к научной работе. Известный российский естествоиспытатель и путешественник Пётр Паллас разработал при участии Муловского инструкцию по предстоящим наблюдениям. Для научной цели решено было пригласить участника третьей экспедиции капитана Кука профессора Георга Форстера, проживавшего тогда в Вильно.

Для переговоров с Форстером выехал сам Муловский. Переговоры имели успех. Знаменитый профессор не только согласился отправиться в кругосветное плавание как натуралист, но и вызвался добровольно возложить на себя обязанности ботаника и историографа экспедиции. Единственно, что смущало профессора, так это финансовый вопрос.

— Но ведь коллегией решено вам, как человеку учёному и достойному, а также опытом изведанному, положить жалованье в три тысячи рублей ежегодно. Неужели мало? — удивился капитан Муловский.

— О нет, — замахал руками Форстер. — Это более чем достаточно для такого скромного человека, как я, но дело в том, что пока я не выплачу пять тысяч четыреста рублей учреждённому в Польше воспитательному дому, я не могу покинуть Вильно!

— Откуда же долги такие? — удивился Муловский, наслышанный о скромном образе жизни учёного.

— Занял на переезд жены и перевоз имущества в Германию.

— Мы согласны выдать деньги тотчас!

Муловский раскрыл дорожную сумку, достал увесистый кошель и быстро отсчитал червонцы.

— Получите!

Долго ещё сидели над картами и книгами Муловский с Форстером. Поговорить им было о чём!

Тогда же ими было решено поддерживать между собой постоянную связь через посла Штакельберга. Договорились, что Форстер самостоятельно доберётся в Англию, где закупит необходимые инструменты, и будет ждать судов экспедиции. Кроме того, Форстер предложил пригласить в плавание известного астронома Бейли (тоже участника экспедиции Кука), которого он взялся уговорить, а также профессора медицины Соммерса, «не токмо искусного как хирурга, но и анатома животных».

Договорившись с Форстером, Муловский поспешил на перекладных обратно. Дорог был каждый день! Скоро капитан был уже в Кронштадте и опять погрузился в круговорот дел. Легко ли ему приходилось? Наверное, нет. Но с уверенностью можно сказать, что это — самое счастливое время для Муловского. Никогда мечта всей его жизни не была так близка к воплощению, как теперь!

Подготовка экспедиции близилась к завершению. Суда вот-вот должны были поднять вымпела и выйти на внешний рейд. До начала плавания оставались считанные дни, когда пришло известие о начале войны с Турцией. Буквально на следующие сутки последовал указ: «Приготовленную в дальнее путешествие под команду флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваем отменить и как офицеров, матросов и прочих людей, для сей экспедиции назначенных, так суда и разные припасы, для неё заготовленные, обратить в число той части флота нашего, которая, по указу нашему от 20 числа сего месяца, Адмиралтейской коллегии данному, в Средиземное море отправлена быть долженствует».

— Ничего, Гриша, — как мог успокаивал своего воспитанника граф Чернышёв. — Будем живы, после войны непременно экспедицию произведём!

Флагманский корабль Муловского тем временем в срочном порядке переоборудовали в госпитальное судно для Средиземноморской эскадры. «Соловки» и «Турухтан» готовили для перевозки пороха

и артиллерийских припасов, а «Сокол» — для доставки в Средиземное море провизии. Русское правительство приняло решение о посылке в Средиземное море эскадры кораблей Балтийского флота под командованием адмирала Грейга, и подготовленные к дальнему плаванию транспорты оказались очень кстати.

Сам же Григорий Муловский был назначен капитаном 74-пушечного линейного корабля «Мстислав», который также готовился к походу в составе эскадры Грейга. Война есть война, и морской офицер всегда должен быть готов к ней. Незадолго до выхода в море Григорий Иванович был помолвлен. Свадьбу решено было справить после возвращения жениха из похода.

КОМАНДИР «МСТИСЛАВА»

И вновь судьба преподнесла Муловскому неожиданность. Когда эскадра уже была готова к отплытию, а передовой отряд 100-пушечных кораблей ожидал главные силы в Копенгагене, пришло известие о нападении Швеции на Россию. Экспедицию в Средиземное море пришлось в срочном порядке отменять, а её кораблями усиливать Балтийский флот, который готовился к жестоким боям с вероломным врагом.

В день официального оглашения манифеста о начале войны со шведами Кронштадтская эскадра под командованием адмирала Грейга снялась с якоря и взяла курс к выходу из Финского залива. Там вот-вот должен был показаться шведский флот, спешащий нанести удар по Санкт-Петербургу...

На военном совете, состоявшемся перед выходом в море, Грейг ставил капитанам задачи на случай баталии с неприятелем. Согласно диспозиции «Мстислав» Муловского занимал место за флагманским кораблём Грейга «Ростислав».

Сражение при Гогланде было жестоким и кровавым, «Мстислав» сражался отчаянно. На нём уже было двадцать восемь убитых и более шестидесяти раненых. Число пробоин давно перевалило за сотню, но Муловский и не думал отступать! Его корабль сражался сразу с несколькими вражескими судами и в трудные моменты прикрывал своего флагмана. Подавая пример подчинённым, Муловский всё

время находился там, где было наиболее опасно, и хладнокровно руководил сражением.

Гогландская баталия завершилась полной победой Балтийского флота. Шведы были отброшены от столицы и теперь искали спасения в своих базах. В донесении об итогах сражения адмирал Грейг отмечал: «...Все капитаны оказали всякую храбрость, а именно: Одинцов, Берх, Муловский... сражались от начала до окончания боя...»

Двадцать пятого июля последовал высочайший указ о награждении наиболее отличившихся. Екатерина II писала: «Флота капитанам Муловскому и Денисону в воздаяние храбрости их, всеми свидетельствуемой, пожалованные от меня знаки военного ордена Св. Георгия 4-й степени с грамотами при сём посланы».

Девятого августа 1788 года на Ревельском рейде на борту флагманского корабля Грейга состоялось награждение героев Гогланда.

На зимовку «Мстислав» остался в Ревеле. В долгие зимние вечера на затёртом льдом корабле Муловский занимался подготовкой офицеров к будущей кампании. Особенно приблизил он к себе Ваню Крузенштерна.

С началом русско-шведской войны, когда обнаружился большой некомплект корабельных офицеров, Адмиралтейств-коллегия приняла решение о доукомплектовании их за счёт наиболее подготовленных гардемарин морского корпуса. Им присвоили звание мичмана и отправили по боевым кораблям. Мичман Крузенштерн попал на «Мстислав». Ему, как наиболее отличившемуся в сражении, поручил Муловский доставить на борт «Мстислава» флаг пленённого им при Гогланде неприятельского линейного корабля «София-Магдалина». За храбрость, проявленную в сражении, юный мичман был пожалован по ходатайству капитана корабля в лейтенанты...

Любил лейтенант рассказы своего капитана о замыслах кругосветной экспедиции, часами просиживал за картами и расчётами Муловского. Отныне мечта капитана бригадирского ранга стала и его мечтой.

Едва сошёл лёд, Балтийский флот вышел на поиск неприятеля.

Вёл его вице-адмирал Чичагов, сменивший умершего осенью прошлого года Грейга. Необходимо было соединиться с базировавшейся на Копенгаген эскадрой Козлянинова и дать отпор возможным попыткам шведов помешать этому объединению.

В пятидесяти милях от южной оконечности острова Эланд был обнаружен шведский флот. Ударили пушки. Началось последнее сражение Григория Муловского. Судьба отмерила ему немногим более тридцати лет...

По распоряжению Чичагова тело доблестного капитана «Мстислава» было перевезено на госпитальное судно «Холмогоры» и уже на нём отправлено в Ревель. Именно на «Холмогорах» должен был Григорий Иванович Муловский пронести российский флаг через три океана до берегов Камчатки. Судьба распорядилась по-иному. Под приспущенным Андреевским флагом везли «Холмогоры» своего флагмана в последний путь. Сопровождал покойного лейтенант Ваня Крузенштерн...

В журнале текущих событий Адмиралтейств-коллегии отмечено: «...Прибыло на Ревельский рейд судно „Холмогоры“, на коем привезено тело покойного бригадира флота капитана Муловского для учинения погребения и со флота служителей разных чинов 134 человека». Одновременно на прибывшем в Ревель новостроенном архангельском корабле № 9 (ему ещё не было дано имя) капитан-лейтенант Жохов доставил и передал командиру порта контр-адмиралу Фондезину завёрнутый в тряпицу Георгиевский крест 3-й степени, которым был посмертно пожалован бригадир за Эландский бой «для употребления в церемонии, прилично храбро умершему на службе отечеству» Муловскому.

Отпевали Григория Ивановича в морской церкви Святого Симеона Богоприимца, а хоронили там же, на ревельском морском кладбище. На похороны прибыли близкие: чета Чернышёвых, невеста и многочисленные друзья.

ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТЬЕ

Шли годы. В память о Муловском и о его несбывшейся мечте офицеры русского флота называли его именем мыс на восточном берегу

Сахалина, в самой узкой части острова.

Иван Крузенштерн, став опытным морским офицером, в 1799 году представил правительству свои соображения относительно установления прямых морских контактов метрополии с русско-американскими владениями и открытия пути в Ост-Индию. В 1802 году император Александр I утвердил проект и велел приступить к снаряжению кругосветной экспедиции. Непосредственно подготовкой судов руководили адмирал Мордвинов и министр коммерции Румянцев. Двадцать шестого июля 1803 года суда «Надежда» и «Нева» вышли в свой дальний путь из Кронштадта. Курс их лежал мимо мыса Горн, через Тихий океан к Камчатке и Аляске. В августе 1805 года экспедиция, о которой когда-то мечтал капитан Муловский, была блестяще завершена. Первое русское кругосветное плавание состоялось. У всей страны было на устах имя её руководителя и героя — капитана 1-го ранга Крузенштерна. О Муловском, увы, не вспомнил никто.

Крузенштерн уже стал седым адмиралом, создал свой капитальный труд «Атлас южного моря», уже был в числе создателей Российского географического общества... На одном из вечеров, когда чувствовали знаменитого адмирала, его товарищ вице-адмирал Рикорд заявил во всеулышание, обращаясь к Крузенштерну:

— Никогда не забудут русские, что вам обязана была Россия первой мыслью путешествия вокруг света!

Крузенштерн на эти слова в свой адрес промолчал. Бог ему судья! Но не смолчали старые боевые друзья Муловского, помнившие, как всё начиналось. Адмирал Логин Иванович Голенищев-Кутузов опубликовал по этому поводу в «Северной пчеле» обличительную статью. Он писал «Слова сии (вице-адмирала Рикорда. — В.Ш.) сугубо удивили тех, кому известно, что не только имели мысль о путешествии вокруг света, но и для сего приуготовлен был отряд, когда Иван Фёдорович Крузенштерн был кадетом». А затем имя Муловского снова на долгие десятилетия исчезло из памяти потомков. И сегодня его помнят разве что историки.

И всё же имя Григория Муловского не исчезло бесследно. Вспомним же и мы этого удивительного человека, первым из россиян мечтавшего обогнуть земной шар и погибшего на пороге своей мечты.

ЛЕЙТЕНАНТ НЕВЕЛЬСКОЙ

Летом в усадьбе костромского помещика Ивана Невельского было шумно. Впрочем, усадьбу, то и усадьбой назвать можно было с натяжкой: старый деревянный дом в несколько комнат с садом, да в низине деревенька Лисицыно, на десяток дворов. Причина шумства летом 1802 году в Лисицынской усадьбе была всем окрестным помещикам известна. Дело в том, что у хозяина гостили сразу трое его сыновей: все морские офицеры и орлы. Костромская губернии всегда посылала дворянских сыновей офицерами на флот. Именно там, в дальней российской глубинке, рождались многие знаменитые флотские династии: Бутаковы и Куприяновы, Бошняки и Григоровы...

СО СВАДЬБЫ НА ВОЙНУ

Не отставали от иных и Невельские. Старший из сыновей Иван Иванович уже вдоволь повоевал в шведскую войну, дрался при Гогланде и Эзеле, при Красной горке и Выборге. Сейчас же, уже в немалом чине капитана 2 ранга, приехал в Костромскую губернию заниматься отводом лесных угодий под корабельный лес. Средний сын Гавриил совсем недавно участвовал при блокаде Голландии и в боях у острова Тексель. Ныне же в чине лейтенантском только что вернулся из очередного похода в Северное море на фрегате «Венус» в эскадре вице-адмирала Макарова. Младший Никифор также успел понюхать пороха у Текселя, а нынче служил на линейном корабле «Принц Карл», что был захвачен у шведов в прошлую войну. Между сидевшими братьями (у каждого кося сажень в плечах) металась счастливая матушка Ирина Никифоровна, не знавшая, как уж ей утешить своих любимых дитятей.

Повод для сбора братьев был также весьма значимый – свадьба среднего. Избранницей Гавриила Невельского была дочь местного кологривского помещика Афанасия Перфильева Ольга. Невеста была девушкой красивой и видной, ни ростом, ни силой бог ее не обидел. Зимой вместе с отцом ходила невеста с рогатиной на медведя, а летом более всего много обожала объезжать горячих лошадей. Да и рука у Ольги Афанасьевны была тяжелой, по этой причине, несмотря на красоту, женихи ее побаивались. А вот с Гавриилом сложилось как-то сразу. Даже сильной девушке иногда хочется почувствовать себя слабой, а как не почувствовать себя таковой рядом с моряком-героем? Гаврииле же, в свою очередь, нравилась отчаянная храбрость

избранницы. Была у него и тайная мечта: вместе с женой плавать по морям и драться с врагами, как капитан Кроун, захвативший в прошлую войну со шведами в плен целую эскадру шведских судов.

Свадьбу справляли шумно и весело. На пруду соорудили плот под флагом Андреевским, на том плоту установили древний фальконет, из которого оглушительно палили порохом так, что у соседских помещиков стекла из окон вылетали. Знай, как моряки гуляют!

Увы, к сожалению, все хорошее когда-либо кончается. Пришло время и жениху возвращаться в дождливый и неприветливый Кронштадт. Впереди ждала служба.

Вскоре после возвращения из отпуска Гавриил Невельской был определен в свое первое капитанство. И пусть судно, которое было ему поручено под команду, было самым малым – всего лишь одномачтовый катер-тендер, но отныне он был уже полноправным капитаном и на совещаниях у флагмана сидел рядом с другими капитанами, хоть на дальнем конце стола, но почти что на равных.

Едва Гавриил стал капитаном тендера «Опыт», как сразу к нему посыпались письма от дальних родственников и соседских помещиков с просьбой взять к себе под крыло чьего-то сына или племянника. А что поделать, и брал! Взял к себе на «Опыт» сына соседского помещика Станюковича (дядю будущего знаменитого писателя-мариниста), потом племянника (сына сестры Марьямьяны) Павла Баранова (в чине гардемаринском) и двоюродного племянника гардемарина Сережу Сухотина. Просился к нему еще один племянник – Николай Сухотин, но должности на тендере для него уже не было. Мичмана определили служить на галеру. К слову сказать, все племяши оказались ребятами толковыми, да и сам дядюшка спуску им не давал, а гонял на службе в три шеи.

А тут и новая война пришла, причем не только с вечно чем-то недовольной Швецией, но и с Англией, с которой, казалось бы, последнее десятилетие, и ссорится не думали. Но большая политика – дело тонкое и для простых моряков совершенно непонятное.

История войны 1807-1812 годов между Англией и Россией и поныне полна недомолвок и умолчаний. Основоположник российского международного права профессор Мартенсон в своем капитальном труде «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», относительно той войны говорил: «Война, объявленная Россией Англии в 1808 году, существенным образом отливается от всех войн, когда-либо происходивших: она отличалась полным отсутствием военных действий... Русские ком-

мерческие суда, правда, подвергались в эту войну задержанию и конфискации со стороны английских каперов. Однако случаев такого захвата было весьма мало. Никаких других военных действий между русскими и английскими войсками или флотами не происходило».

Уважаемый профессор покривил душой, на самом деле все было иначе. Были и сражения, щедро лилась и кровь.

Все началось с того, что сразу же после Тильзита король Швеции вернул императору Александру «за ненадобностью» ранее даденный ему орден Андрея Первозванного. Это было не просто оскорбление - это была пощечина, прозвучавшая на всю Европу!

Эхо пощечины долетело и до Парижа. Позиция Стокгольма, не признающего континентальную блокаду и поддерживающего Лондон, давно раздражала Наполеона

- Такие поступки смываются кровью! - как бы, между прочим, заявил послу Толстому французский император на одном из приемов. - Мне кажется, что в Швеции ваша армия могла бы оживить свои несколько поникшие лавры!

Мнение Наполеона немедленно было передано Александру.

- Что ж, - согласился тот. - После Тильзита нам и, вправду, нужна победа хотя бы для того, чтобы успокоить общество. Кроме того давно уже и пора поставить точку в вопросе с Финляндией. Близость шведских границ к столице империи становится небезопасным!

С выступлением против Швеции надо было торопиться и по иным причинам. Как стало известно, Стокгольм и Лондон уже заключили против России секретный договор, согласно которому Англией должна была перебросить на защиту Финляндии экспедиционный корпус генерала Мура, караван с которым уже покинул берега Туманного Альбиона.

В феврале 1808 года русская армия вступила в Финляндию, где встретила весьма слабое сопротивление. К весне было занято уже почти все побережье Ботнического залива и Аландские острова. Тогда же пал главный морской форпост шведов в Финляндии Свеаборг, где победителям достались восемь десятков гребных судов.

Что касается Гавриила Невельского, то его «Опыт» всегда был впереди. В морской стратегии берегут корабли большие, а потому и особо ценные. Мелкие же суда и их команды – это расходный материал, который не слишком-то ценят. По этой причине маленький «Опыт» почти не вылезал из боев. Учитывая же его небольшую осадку, тендер использовали у самого побережья, где каждый выход в море превращался в гонки со смертью. Но благодаря опыту и удачливости

Невельского пока все обходилось.

А ситуация на море складывалась для нас не слишком удачно. К сожалению, не удалось избежать и поражений. Так высаженный на Аландские острова небольшой десант был вскоре пленен высаженным вслед за ним шведским корпусом.

Не сидели, сложа руки и французы. Посол Каленкур настойчиво внушал императору Александру:

- Ваше величество! На правах вашего доброго союзника советовал бы вам пока не поздно прибрать к рукам остров Готланд! Посудите сами сколь много выгод вы с того будете иметь: остров сторожит все Балтийское море и, займи вы его, английскому флоту здесь уже негде будет развернуться, а кроме того для своего флота вы приобретаете прекрасную незамерзающую передовую базу, которая сторожит все проливы! К тому же на острове нет никаких войск, как перезрелый плод он сам упадет в ваши руки, остается только тряхнуть!

И Александр «тряхнул». Едва закрылась дверь над искусителем Каленкуром, он вызвал к себе морского министра Чичагова:

- Ваше мнение о десанте на Готланд?

Чичагов пытался уклониться от ответа:

- Предприятие сие весьма в нынешних обстоятельствах рискованное ибо наш флот в Кронштадте еще скован льдом и не сможет явиться скоро к готландским берегам!

- Неужели мои министры лишены всякого мужества! - громко высказался император и велел готовить экспедицию немедленно.

Не дожидаясь вскрытия Финского залива, уже в апреле из Ливавы на девяти зафрактованных судах на Готланд были переброшены полторы тысячи солдат. Высадившись, они без боя заняли главный город острова Висби. «Опыт» сопровождал десант. Вместе со всеми на тендере радовались, как все удачно обошлось. Но как показали дальнейшие события, радовались рано.

Едва о десанте стало известно в Стокгольме, как к острову была направлена эскадра контр-адмирала Целестрема с ответным десантом в пять тысяч человек. Российский Балтийский флот, все еще зажатый в тисках ледовых полей, был бессилен что-либо предпринять в ответ. Главные силы не могли ничего сделать, а «Опыт» и еще несколько таких же мелких суденышек были бессильны против армады тяжелых линейных кораблей. Только что смогли сделать вывезти часть раненных и полковые знамена. На головы русского десанта обрушилась шведская артиллерия, затем высадились войска. Спустя несколько дней остатки либавцев сдались на капитуляцию. Узнав о

Готландской неудачи, Александр обвинил во всем того же Чичагова.

- Вы меня все больше разочаровываете! - желчно заявил он ему при встрече.

С этой минуты отставка морского министра была уже делом предрешенным.

Но вот льды в Финском заливе растаяли, и Балтийский флот, наконец-то, вырвался в море. Наши рвались в бой, но море было пусто. Захватить удалось лишь дозорный зазевавшийся фрегат да несколько транспортов. Помня былые уроки, шведы заблаговременно укрылись в своих портах. Они ждали прихода союзников англичан, чтобы уже сообща обрушиться на русских.

А российский гребной флот упорно продвигался вместе с армией вдоль финского побережья. А навстречу ему уже спешили гребные эскадры шведов. Противники столкнулись лоб в лоб у мыса Гангут - места славного историей петровской победы. Против 14 наших галер под началом контр-адмирала Мясоедова у шведов было 23 во главе с известным знатоком финских шхер адмиралом Гиельстриеном.

Перед боем Мясоедов на шлюпке обошел суда своей флотилии.

- Ребята! В этих водах рождалась русская морская слава! - вдохновенно говорил он выстроенным на палубах матросам. - Будем же достойны подвига пращуров! Не посрамям сегодня чести российских моряков!

Команды отвечали ему дружным «ура».

Адмирал Гиельстиерн атаковал, но был отбит на всех пунктах и отошел с немалым уроном. Спустя несколько дней шведы получили подкрепление, а потому Гиельстиерн вновь решил испытать удачу. На сей раз соотношение сил было таковым: 26 против 58! И вновь шведы были отброшены от русской позиции в восьми милях от Або. Обе неудачи Гиельстиерн не считал решающими. Он ждал новых подкреплений, чтобы нанести русского гребной эскадре генеральное поражение и отбросить ее в пределы Санкт-Петербурга.

Но и наши не сидели, сложа руки. Мясоедов вызвал к себе отрядного командира капитана 1 ранга Гейдена, голландца на русской службе. Развернул перед ним карту финских шхер.

- Вот остров Кимито! - ткнул в нее прокуренным пальцем. - Шведы сторожат нас со стороны залива, при этом между островом и матерым берегом есть фарватер. Он весьма узок и набит камнями, но пройти можно! Двигайся по внутренней опушке шхер и выйдете в тыл шведам. Я же, тем временем, с главными силами встану у

Юнгфер-зунда на внешней опушке шхер. Первый твой залп - сигнал к общей атаке!

- Есть! - коротко кивнул Гейден и тут же, взяв рупор, крикнул на свои суда. - Весла на воду!

Передовым в авангарде неумолимый тендер «Опыт». Пройти между Кимито и оказалось делом не простым. Двое суток тащились сквозь него суда Гейдена. Выматывала адская работа по очистке пролива от камней, которыми тот был завален еще в стародавние петровские времена. Разборкой завалов руководил недавний герой Тенедоса капитан-лейтенант Додт.

Храбрый датчанин так и не успел доехать до своей родины. Началась война со Швецией и храбрец немедленно решил драться с давними врагами своего Отечества вместе с балтийцами.

Голландец Гейден и датчанин Додт вели русских моряков в бой против шведов. Честь им за то и хвала!

Но вот каменные завалы разобраны, галеры протиснулись в узкую щель фарватера и вскоре пролив остался позади. Вырвавшись на простор, галеры Гейдена неожиданно ударили в тыл шведской гребной флотилии. Против них развернулся арьергард контр-адмирала Раялина. Четыре часа неумолчно гремели пушки. Галеры кидались на бордаж и на разгоне били друг друга форштевнями, ломая борта и сминая гребцов. Уже упал на палубу ничком раненный Гейден и его место заступил Додт, а шведы все еще не уступали. Над «Опытом» клубился пороховой дым. Неумолчно палили пушки.

- Целься вернее! – кричал племяню в мятый жестяной рупор Невельской - Смотри у меня Пашка, будешь мазать, уши надеру!

- Не сумлевайтесь, дядюшка, не промахнусь!

Но вот пламя взрыва разнесло в куски очередную неприятельскую канонерку и нервы врага не выдержали. Шведы дрогнули, а потом и побежали. Над шхерами гремело неумолчное русское «ура».

- Ну как, господин капитан-лейтенант, мы деремся? - прокричал на проходящую мимо галеру мичман Сухотин. - Не хуже ли средиземноморских?

- Не хуже! Не хуже! - помахал рукой ему Додт.

Шведы бежали к островку Сандо, где снова встали в оборонительную позицию, прикрывшись отмелями и подводными скалами. Сковырнуть их оттуда было нелегко, но сделать это было надо.

Не давая опомниться врагу, Додт атаковал шведов у Сандо. Ни сильная позиция, ни численное превосходство не смогли удержать воинского пыла наших моряков. Шведы были разгромлены и бежали.

Среди гранитных скал догорали чадящими кострами, брошенные командами суда. Победа у Сандо разорвала шведскую флотилию надвое. Часть шведов осталась в нашем тылу, и искала теперь спасения у Юнгфер-зунда, остальные бежали вдоль берега на запад и перед галерами Додта теперь был свободный путь до самого Або.

Остатки неприятеля у Юнгфер-зунда добивал со своими судами командир новообразованного резервного отряда капитан 2 ранга Новокшенов. Это яростное сражение вошло в историю, как битва при Рилаксе. Понимая, что уходить им некуда, шведы дрались отчаянно. Начав бой на артиллерийской дистанции, противники вскоре сошлись в плотную и начался абордажный бой кровавый и беспощадный. Подвергшиеся таранному удару тонули тут же со всеми командами. Спасшихся почти не было. На пять погибших наших судов было столько же шведских.

На галеру мичмана Николая Сухотина (того самого племянника Невельского, для которого не нашлось должности на тендере) навалилось сразу три шведских канонерки. Ведя своих матросов в контратаку мичман получил пулю в живот. Упав, пополз к капитанской рубке. Неприятельские солдаты, перебив команду галеры, кинулись за ним.

- Там сигнальная книга! Ее надо захватить во что бы то ни стало! - кричал их офицер, размахивая саблей.

Пинком он распахнул дверь в рубку. Но было поздно. Истекающий кровью мичман уже бросал секретный свод сигналов в мешке со свинчаткой в окно. Плеск падающего мешка совпал с выстрелом. Это разъяренный швед добил Сухотина из пистолета.

Спустя четверть часа сухотинская галера была в свою очередь взята на абордаж нашими и отбита. Именно поэтому потомкам и стал известен подвиг отважного мичмана.

Из хроники русско-шведской войны 1808-1809 годов: «Сражение при Рилаксе стоило резервному отряду 3 офицеров и 80 нижних чинов убитыми и 98 ранеными; суда были сильно повреждены. Шведы, в свою очередь, потеряли 3 канонерские лодки и 2 барказа, потопленные со всеми людьми».

Результатом этого боя стало полное освобождение прибрежного пути для бесперебойного снабжения нашей наступающей армии транспортными судами.

Оставшиеся шведские суда сосредоточились уже за Або у скалистого островка Судсало.

- Не будем давать врагу передышки! - объявил контр-адмирал

Мясоедов и велел командиру своего авангарда капитану 1 ранга Селиванову хорошенько «прошупать противника».

Результатом «прошупывания» стал новый тяжелый бой, когда на вышедшие для рекогносцировки три десятка наших судов, внезапно из-за острова набросилось пять десятков неприятельских. Но и здесь шведы просчитались. Опытный вояка, Селиванов, сразу увидел, что противник, поторопившись, допустил непростительную ошибку: шведы начали бой, не успеem миновать узкости. В этой-то узкости между гранитными скалами Селиванов их и зажал их в тиски. Этот бой длился без малого восемь часов, после чего шведы бежали. Наши потеряли две затонувшие канонерки, с которых, впрочем, успели снять и людей, и флаги. Неприятель оставил на прибрежных отмелях гораздо больше: десять судов и почти три сотни людей.

Спустя две недели, там же у Судсало, Мясоедов вновь атакует противника и вновь добивается победы. Оттянувшись дальше на запад, шведы больше о нападениях и не помышляли. Теперь им впору было прятаться самим.

Корабельный флот в море в тот год вывел старейший из адмиралов России Ханыков, принявший свое боевое крещение еще в достопамятном Чесменском сражении. Перед отплытием Чичагов вручил ему следующую инструкцию: «...Стараться истребить шведские морские силы или овладеть ими прежде соединения их с англичанами, очистить финляндские шхеры от неприятельских судов и содействовать сухопутным войскам недопущением высадки неприятельского десанта.» В довершение всего старого адмирала подчинили еще и командующему финляндской армией графу Буксгевдену, который, тут же велел Ханыкову искать и сразиться с английскими эскадрами.

Адмирал был таким приказанием поражен.

- У меня девять старых кораблей да шесть дырявых фрегатов! Команда сплошь рекруты, а вся лучшая часть флота накрепко заперта в Лиссабоне! Куда я с этим бараклом против английских эскадр! Умереть, мы, конечное дело, умрем, но будет ли от этого какая польза? Здесь одно из двух: либо наша непроходимая дремучесть, либо и того хуже - предательство!

В те дни Чичагов писал маркизу де Траверсе: «Ханыков, которого отправляют с жалкими остатками нашего несчастного флота с тем, чтобы он нанес решительный удар шведскому...» Послание более чем красноречивое и говорящее о том, что морской министр был уже по существу отстранен от дел и все приказания Ханыкову отдавались, минуя его людьми в деле морском мало что смыслившими.

Буксгевден панически боялся высадки английского экспедиционного корпуса, который должен был помочь шведам остановить движение русских войск в Финляндии. Для того, чтобы обезопасить себя от нового противника, он готов был бросить остатки Балтийского флота хоть в пекло. Однако общая политическая ситуация к этому времени серьезно изменилась. Быстрое завоевание Финляндии свело на нет все планы Стокгольма и Лондона. И англичане почли за лучшее перебросить десантный корпус Мура в Португалию против войск Жюно.

Пока Ханыков (опять же по приказу Буксгевдена) охранял приморский фланг его армии, в Балтийское море вступила английская эскадра и соединилась со шведами. На подходе к Балтике была еще одна.

ПОДВИГ ТЕНДЕРА «ОПЫТ»

В начале июня 1808 года произошло первое боевое столкновение между бывшими союзниками и героем его выпала честь стать лейтенанту Гаврииле Невельскому.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Из взятого нашими войсками Свеаборга в разведку были направлены корвет «Шарлотта» с тендером «Опыт». Неподалеку от Гангута они обнаружили английские корабли. После этого «Шарлотта» осталась сторожить противника, а «Опыт» поспешил в Свеаборг, чтобы сообщить о появлении британского флота у наших берегов. Передав сообщение, командир тендера лейтенант Невельской получил приказание вновь выйти в море, чтобы вернуть в базу дозорный корвет, ибо нахождение последнего вблизи значительных сил противника становилось небезопасным. Командир «Шарлотты», к этому времени, убедился в том и сам, а потому корвет, не дожидаясь приказа сверху, успел укрыться от неприятеля в Балтийском Порту (ныне город Палдиски в Эстонии). Не найдя «Шарлотты», Невельской из-за сильной пасмурности внезапно оказался нос к носу с английским фрегатом «Сальстет».

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова, бывшего в этом бою на «Опыте» гардемаринном: «Утром 11 июня, выйдя из Свеаборга при тихом переменном ветре, ясном небе и пасмурности по горизонту, мы увидели через несколько часов трехмачтовое судно, близь того места, где должны были найти корвет «Шарлотт». Пасмурность лишила нас возможности отличить неприятельский фрегат большого ранга от своего корвета, бывшего прежде французским

приватиром и купленные нами за его отличные качества... Припоминая опытность капитана и верность его морского взгляда, не смею утверждать, вполне ли умышленно мы приближались к ждавшему нас противнику; но когда нельзя было сомневаться, что это не корвет «Шарлотт», а сильный неприятельский фрегат, то сделав опознавательный сигнал и не получив на него ответа, мы, по приказанию командира, положив сигнальные флаги и книги в ящики, наполненные песком, бросили их за борт и приготовились к бою. Спустя несколько времени, неприятельский фрегат, сблизясь с нами, сделал пушечный выстрел и поднял английский флаг. Мы же медлили поднятием своего флага, и эти минуты были самыми тягостями! Фрегат повторил еще холостой выстрел и вслед за тем послал нам выстрел с ядром. На это приветствие командир приказал тотчас ответить тем же и поднять наш флаг. С тендера раздался выстрел 12-фунтовой коронады, на ноке гафеля развился русский военный флаг; томительное ожидание кончилось! Все ожило, все встрепенулось; каждый старался употребить все свои силы и способности на поражение неприятеля, хотя бой был далеко не равен...»

Даже с первого взгляда было ясно, что расклад сил далеко не в пользу маленького «Опыта». Против сорока четырех тяжелых орудий «Сальстера» у Невельского было всего полтора десятка мелких пушек. Против четырехсот матросов «Сальстета», на «Опыте» не было и пятидесяти. У Невельского даже не было подчиненных офицеров. Вместо них двое мальчишек - гардемарин, бывших в плавании практикантами.

С фрегата сигналом потребовали немедленной сдачи. Уверенные в удачном захвате посыльного судна, англичане сгрудились на палубе. Размахивая руками, они торопили:

- Давай, давай, Ванюш-ша! Езжай к нам, будешь кушать вкусный потаж, будешь пить горячий грог!

- Нам и без вашего грога не плохо живется! - огрызались наши, порты орудийные открывая. - Сейчас будет вам и грог и какава с чаем!

Лейтенант Невельской выбрал бой.

- Жизни свои мы сохраним вряд ли, зато честь наверняка! - сказал он мальчишкам - гардемаринам. - Готовы ли вы к славной смерти?

- Мы то готовы! - отвечали те. - Только маменек жалко, больно уж по нас убиваться будут!

Над посыльным суденышком дерзко взлетел ввысь красный стеньговый флаг. Маленький тендер бросал вызов своему грозному про-

тивнику. Даже без зрительной трубы было видно, как врассыпную бросились к орудиям английские матросы. Палуба «Сальстета» в мгновение опустела.

Первым открыл огонь «Сальсет». Минуту спустя ответил и «Опыт». Неравный поединок начался. Малый ветер не уносил дыма и вскоре противники уже только по вспышкам выстрелов определяли местонахождение противника.

Из воспоминаний участника боя Баранова: «Будучи гардемаринном на тендере и в самом начале первой моей компании, я солгал бы, если бы стал рассказывать о всех направлениях и переменах курса; знаю только, что мы изменяли его не редко. Ветер был тих и переменялся очень часто. Догнал ли нас фрегат, или мы подошли к нему, так же не могу сказать утвердительно; но твердо помню, что мы сблизилась, - и фрегатские ядра стали перелетать чрез наш тендер, повреждая его рангоут. Впоследствии и наши ядра стали долетать до фрегата. Мы не скупилась на выстрелы и бой сделался жарким! Но ветер стих; тендер имел большие повреждения в корпусе и вооружении, и потому командир приказал прекратить стрельбы и выкинуть весла. Как теперь вижу артиллерийского бомбардира, просившего позволения наложить фитиль на коронаду, говоря, что она уже наведена на фрегат; позволение дано, выстрел раздался; но в то же мгновение неприятельское ядро раздробило ногу храброму артиллеристу гораздо выше колена. Упав, он на руках и остальной ноге дополз до фор-люка, спустился на кубрик и не доверяя операции лекарскому ученику, неопытному мальчику, сам отрезал висевшую на жилах, свою раздробленную ногу...

Действие веслами во время штиля и маловетрия дало тендеру ход до 4 1/2 узлов. Фрегат, лежащий с нами борт о борт, стал отставать и очутившись у нас за кормой, приводил лагом, палил залпами и, наконец, ядра его не стали долетать до нас. Нарген был близок. Мы спешили на Ревельский рейд, а в последствии даже к ближайшему берегу. Уже мечтали мы, с каким восторгом будем рассказывать о нашем деле товарищам, а те из нас, которые были свободны от дела, собравшись у гака-борта, прокричали с командою троекратное «ура», махнувши шляпами отставшему от нас неприятельскому фрегату. Но радость наша была слишком преждевременна! Впереди тендера появилась черная туча, мгновенно налетел шквал и паруса разлетелись на части. Тендер сильно накренило; подветренные паруса забуровали; иные сломались, другие надобно было перерубить, чтобы не отнимали ходу и не препятствовали править рулем. Из 14-коронад

многие были подбиты; снасти и реи избиты; тендер расстрелян; люди изнурены до крайности 4-х часовым действием. Фрегат, убрав бомбрасели и брамсели, грот и фок, подошел к нам менее, нежели на ружейный выстрел, спустился под корму, дал два залпа из шканечных и баковых орудий, разбил штурвал, убил и изувечил несколько человек из команды, лег в дрейф близь правого нашего траверза и потребовал немедленной сдачи...»

К этому времени на «Опыте» уже оставалось целым единственная пушка, а в живых не более десятка человек. Самому Невельскому ядром отшибло нижнюю челюсть. Он упал, но затем, опершись рукой о палубу и, замотав то, что осталось от челюсти, окровавленным шарфом, продолжил, как мог, командовать боем. Говорить Невельской уже не мог, ибо рот превратился в одну сплошную рану. Объяснялся знаками. «Приготовиться прорубить днище!» - написал он свинцовым карандашом на клочке бумаги боцману.

Тот понимающе кивнул, вооружился топором и, перекрестившись, полез в трюм.

К этому времени несколько раз ядрами уже сшибало кормовой флаг, а потому Невельской велел крепко прибить его к флагштоку гвоздями. Неравный бой продолжался в ярости и отчаянии. Наконец, после очередного фрегатского залпа ядром отшибло ствол последней пушки. Невельской выхватил саблю - сигнал к абордажу. Но англичане видя решимость русских вплотную не подходили, а продолжали забрасывать беспомощный тендер ядрами.

Из воспоминаний Баранова: «Подошедшие офицеры представили ему (Невельскому - В. Ш.), что дальнейшее упорство с нашей стороны без всякой пользы, повлечет за собой неминуемую гибель остальных людей, которые храбростью своею и беспрекословным исполнением воли командира, вполне заслуживают, чтоб была спасена жизнь их. Действительно, все убеждало в бесполезности и даже невозможности дальнейшего сопротивления; тем более, что жестокая рана лишала нашего капитана возможности непосредственно участвовать в деле. Исполнив до последней минуты все, что требовал долг чести, решено было сказать фрегату, что мы прекращаем действие... Горькая подобная минута! Мы сознавали, что исполнили долг свой, а между тем по лицам нашим, закопченным дымом пороха, катились слезы глубокой грусти! Нам велено было спустить флаг. Но флаг, у которого сигнальный фал перебило еще в первую перестрелку, привязан был наглухо к ноку-гафеля, оставшемуся на одном дирик-фале, потому что гордень так же была перебита (грот, расстрелянный ядрами и

картечью, разорван был пополам нашедшим шквалом). Мы отвечали, что флага нельзя спустить; тогда потребовали, чтоб мы разостлали английский флаг по борту; что и было исполнено в 11-м часу вечера».

Впрочем, существует мнение, что Невельской преднамеренно отказался спускать Андреевский флаг и не поднял английский. Это означало, что тендер официально так и не был сдан, а захвачен с боя. Так как впоследствии вопрос о сдаче никогда и никем не поднимался, думается, все происходило именно так.

К разбитому и беспомощному «Опыту» от борта «Сальстета» уже спешили шлюпки с абордажной партией. Когда они вступили на тендер, их взгляду предстала страшная картина: вся палуба была завалена мертвыми телами. Среди павших, находились несколько раненных, готовые отбиваться тесаками и отпорными крюками. У матросов не оставалось даже пуль! Впереди всех, широко расставив ноги, стоял лейтенант Невельской. С оторванной челюстью и свисающим вниз языком он был ужасен. Скрестив руки на груди, командир «Опыта» молча смотрел на своего противника.

Офицер абордажной партии демонстративно бросил саблю в ножны:

- Мы, англичане, умеем ценить истинную доблесть, а потому прошу быть вас на борту нашего фрегата не пленниками, а гостями!

Жестом Невельской показал, что иного выхода у него попросту не было.

Когда раненных «опытовцев» перетаскивали на «Сальстет», те успели разглядеть десятки мертвых тел, уложенных рядами на шанцах, рваный такелаж, разбитые пушки и развороченные ядрами борта.

- Хороши гости! - мрачно пошутил кто-то. - Не без гостинцев пришли к хозяевам!

Из воспоминаний отставного генерал-майора Баранова: «Нельзя не вспомнить о редком бесстрашии и хладнокровии особенно отличившихся в этом деле: товарища моего по корпусу, бывшего тоже гардемаринном на тендере, а ныне отставного флота капитана 1 ранга Сухонина; штурманского помощника унтер-офицерского чина, впоследствии умершего на службе корпуса флотских штурманов капитаном, Халезова; и старшего нашего артиллериста, бывшего унтер-офицером, а ныне начальника морской артиллерии в Ревеле, полковника Федотова - старавшихся, все до сего усердно ими хранимое, бросать за борт и портить, чтоб не досталось неприятелю.

Посланные с английского фрегата шлюпки с офицерами, вооруженными солдатами и матросами, у всех нас, кроме капитана отобрали оружие; капитану же присланный с фрегата лейтенант объявил, что он не считает себя вправе взять саблю от такого храброго офицера и что только один капитан его фрегата может получить ее. Первыми были перевезены: командир и раненные, а потом уже остальная команда».

Историческая хроника гласит, что героическая и отчаянная защита «Опыта» внушила англичанам столь сильное уважение к команде тендера, что все оставшиеся в живых во главе с Невельским были почти сразу освобождены от плена и переправлены на берег. При этом Невельской оказался на высоте и здесь! Он наотрез отказался давать капитану «Сальсета» Баттосу за себя и за своих подчиненных расписку о дальнейшем неучастии в боевых действиях. Англичане повозмущались, но возиться с остатками перераненной команды у капитана Баттоса охоты не было никакой. Раненных хватало и своих! А потому, спустя несколько дней, команда «Опыта» была высажена на берег у Либавы.

Что касается «Опыта», то, вконец разбитый тендер, англичане передали своим союзникам шведам.

Любопытно, что узнав о подвиге «Опыта», император Александр распорядился никогда более не назначать Невельского ни к кому в подчинение, а предоставлять ему, по излечении, только самостоятельное командование кораблями. Попадание его в плен, велено было не считать препятствием к получению Георгиевского креста. Офицеры «Опыта» за совершенный подвиг получили годовой оклад жалования, а гардемаринам от «монарших щедрот» было выдано по сто рублей ассигнациями. Что касается матросов, то им было убавлено несколько лет службы, и все они были определены служить в загородные дворцы и на придворные яхты.

Дерзкое поведение маленького тендера наглядно показало всем, что легких побед у англичан на Балтике, скорее всего, не будет, зато крови может пролиться немало.

ДЕЛО «ВСЕВОЛОДА»

Главные же силы противников встретились неподалеку от Балтийского порта на рассвете 14 августа. Старый линейный корабль «Всеволод», шедший концевым в эскадре Ханыкова, отстал от главных сил и был атакован английскими линкорами «Центавром» и «Импе-

кэйблом». В течение часа «Всеволод» изо всех сил отбивался от превосходящего противника. Услышав выстрелы и поняв, что это ведет бой отставший «Всеволод», Ханыков немедленно развернул эскадру на контр - курс и устремился на помощь попавшему в беду кораблю. Завидев приближение русской эскадры, англичане пошли, а лучшее убраться. Поставив паруса, они отошли мористее к главным силам объединенной англо-шведской эскадры.

Адмирал Ханыков приказал командирам кораблей готовиться к генеральному бою. Одновременно он начал отход к Балтийскому Порту, рассчитывая принять сражение, заманив противника под огонь своих береговых батарей.

Избитый ядрами «Всеволод» тащил на буксире фрегат «Поллукс». В одиннадцать часов дня внезапно обрывается буксир и поврежденный «Всеволод», не имея возможности двигаться самостоятельно, был вынужден бросить якорь у мыса острова Рогге в шести милях от Балтийского Порта. На помощь «Всеволоду» Ханыков немедленно выслал все бывшие у него шлюпки и гребные суда. К четырем часам пополудни «Всеволод» уже буксировался общими усилиями и должен был вот-вот миновать каменистый мыс. В это время одинокий линкор нагоняет британский линейный корабль «Центавр». Картечным огнем он разгоняет шлюпки, и бросается в атаку на неуправляемый «Всеволод». Командир «Всеволода» собирает офицерский совет, который решает защищаться до последней крайности, затем же выбросить корабль на ближайшую мель и сжечь, а людей таковым образом спасти.

Но положение почти сразу же сделалось крайним, так как «Всеволод» совершенно не слушался руля, и англичане грозили зайти ему в корму. А потому «Всеволод» был приткнут к мели, обратив борт в сторону моря. «Центавр», пытаясь сманеврировать рядом с русским кораблем, в свою очередь, приткнулся носом к отмели совсем рядом с «Всеволодом». Лишенные возможности двигаться, оба корабля начали яростную пушечную и ружейную перестрелку. Неоднократно, то с одного, то с другого линкора посылались для захвата противника отряды и тогда на каменистой отмели вспыхивали яростные рукопашные схватки. Силы противников были примерно равными, и перевеса не мог добиться никто. Было очевидным, что победа достанется, в конечном счете, тому, к кому первому придет помощь. Первыми подошел к месту поединка английский «Импекэйбл» и продольными залпами стал громить наш и без того сильно разбитый корабль. К этому времени на «Всеволоде» только убитых было уже за три сотни!

Не желая сдаваться в плен, оставшиеся в живых матросы и офицеры бросались в воду и устремлялись острову. Когда на борт «Всеволода» высадились английские абордажные партии, там оставалось всего несколько десятков человек, занятых уничтожением документов, прорубанием днища и заклепыванием пушек. Среди них был и будущий первооткрыватель Антарктиды, герой Наварина и знаменитый флотоводец, а тогда еще мичман Михаил Лазарев, только что вернувшийся со стажировки... в английском флоте. Тот бой со своими недавними соратниками и друзьями был для мичмана первым и закончился пленом, но разве это умаляет храбрость офицера?

Попытка англичан снять «Всеволод» с мели успеха не имела, кроме того через прорубленное днище линкор быстро наполнялся водой. А со стороны Балтийского Порта уже спешила к месту боя русская эскадра. Не дожидаясь развязки, англичане почли за лучшее сжечь останки «Всеволода», а самим отойти подальше в море.

Дореволюционный историк отечественного флота лейтенант Н. Д. Каллистов (в годы Первой Мировой войны командовал эсминцем на Черноморском флоте, а в 1918 году был расстрелян матросами-анархистами на Малаховом кургане в Севастополе) так писал об этом прискорбном случае в истории нашего флота: «Потеря корабля «Всеволод» была одной из причин отдачи адмирала Ханыкова под суд, приговоривший его к разжалованию в матросы, на что высочайшей конфирмации не последовало, а было повелено предать весь суд над Ханыковым забвению «во уважение прежней его службы». Что касается «Всеволода», да и не только «Всеволода», то Ханыков в этом был вовсе не так виноват. Для оказания помощи «Всеволоду» из Балтийского Порта пытались выйти корабль и некоторые фрегаты, но противное маловетрие не позволило им этого сделать. Сам «Всеволод», наконец, - это старый, уже тимберованный корабль, очень тихоходный и неповоротливый, а его команду в громадном большинстве составляли только что прибывшие ратники, еще не успевшие даже снять свои ополченческие кафтаны. И если «Всеволод» в таком виде и с таким личным составом был послан не только в море, но и для военных действий, то сделано это было только потому, что все лучшее из Балтийского флота - и корабли и личный состав находились в это время в распоряжении императора Наполеона (имеется в виду период пребывания эскадры Сенявина в Лиссабоне - В. Ш.)».

Зимой 1809 года корпуса генералов Багратиона и Баркляя-де-Толли по льду стремительно перешли Ботнический залив и нанесли внезапный удар в сердце Швеции. Именно тогда Европа услышала

о предводителе российского авангарда полковнике Кульневе, храбрейшем из благородных и благороднейшим из храбрых! С этого времени судьба войны была уже предрешена.

В кампанию этого года шведский флот вообще не показывался в море, что касается англичан, то столкновения с ними носили случайный характер и происходили исключительно у берегов Финляндии, куда англичане время от времени наведывались.

В июне у Гангута англичане попытались высадить десант с двух линейных кораблей, но последний был тут же сброшен в море ротой Псковского полка. Преследуя английские баркасы, наши гребные суда потопили несколько из них со всеми людьми.

Спустя несколько дней четыре вооруженных английских баркаса столкнулись у Паркалауда с тремя нашими канонерками. Столкновение закончилось потоплением двух баркасов и бегством третьего. Чтобы загладить эту явную неудачу англичане отправили к Паркалауду два линейных корабля и два фрегата. С них спустили свыше двух десятков, вооруженных пушками, баркасов и катеров. Пройдя шхерами, англичане атаковали стоявшие на якоре суда гребной флотилии. Бой был жесток. Противнику удалось захватить на абордаж четыре вспомогательных судна-иола и две лодки, нам - утопить пятнадцать баркасов и катеров.

10-го июля английский линкор пытался подстеречь отряд наших транспортов, доставлявших грузы для армии. Но из этого ничего не получилось. Едва линкор открыл огонь, как немедленно был с тыла атакован отрядом канонерских лодок. Потеряв фор и крьюйс-брамстенги, он едва успел бежать в море от абордажа.

Последним значительным делом стал бой на Аспенском рейде. Тогда на отряд мичмана Коробки (4 канонерские лодки, 2 бота, 2 кухонных судна) напали два десятка английских вооруженных баркасов со стоявших мористее двух линкоров и трех фрегатов. Одной из канонерских лодок удалось прорваться, и она благополучно добралась в Свеаборг, остальные суда (почти не имевшие вооружения) были в течение трех часов непрерывного боя взяты на абордаж. Вторую канонерку удалось захватить только тогда, когда из 44-х человек ее команды уже не было в живых ни одного. Сам Коробка продолжал драться саблей, имея уже две тяжелые раны. В плен его взяли в бессознательном состоянии.

На кухонных судах, которые вообще не имели ничего кроме суповых котлов, повара отбивались от наседавших англичан разделочными ножами и защищались крышками от кастрюль. Мужество,

с которым дрался отряд Коробки, вызвало восхищение англичан. «Русские, - говорит об этом деле английский историк, - сражались с величайшей храбростью».

Сами победители боя на Аспенском рейде впоследствии старались о нем не вспоминать. Известие о рукопашной с поварами на кухонных судах быстро стало достоянием всего английского флота и породило множество анекдотов о «доблести» нападавших, пытавшихся с боем добраться до котлов с кашей.

После этого дела англичане и вовсе ушли от российских берегов. И то, кому хочется стать посмешищем своих же товарищей! Действия английского флота сами собой сошли на нет. Да и Лондон, разочаровавшись в Стокгольме, явно махнул на него рукой.

Брошенная на произвол судьбы союзниками - англичанами, Швеция запросила пощады. Вскоре в Фридрихсгамне был заключен мир, согласно которому Россия получала Финляндию с Аландскими островами и часть Ботнии. Не упустил своего и вездесущий Наполеон, тут же включивший Стокгольм в свою континентальную блокаду против Лондона. Так закончилась последняя из многочисленных русско-шведских войн. Но война с Англией еще продолжалась. Однако, утратив возможность базирования в шведских портах, британские эскадры покинули балтийские воды, так и не стяжав там никакой славы.

ПОМЕЩИК СЕЛА ЖУРАНОВО

Что касается Гавриила Невельского, то, несмотря на то, что все только и говорили о его подвиге, герой ничем награжден не был. Впрочем, он, со своей стороны, получить бело-эмалевый крест и не пытался. Когда друзья-товарищи спрашивали, почему его обошли наградой, отшучивался:

- Не надо ордена, жила бы Родина!

Рана у Невельского была тяжелая и, хотя разбитую челюсть хирург ему кое-как собрал, да зубы фарфоровые поставил, но говорил Невельской теперь очень невнятно. Начальство указание императора о том, что отныне не назначать Невельского ни к кому в подчинение, а только в командиры, исполняло прилежно. После излечения Гавриил Иванович принял под команду галиот № 3. Тоже не бог весть, какое судно, но все же поболее тендера. В 1812 году с началом Отечественной войны он получает фрегат «Быстрый», на котором плавает в течение всей войны, совершая походы в составе эскадры к берегам

Англии и Франции. По окончании войны Невельской получает еще один фрегат «Меркуриус», потом бриг «Олимп», на котором совершает достаточно продолжительное плавание к испанским берегам. В 1816 году Невельской все же получает давно причитавшийся ему Георгий 4-й степени за 18 морских кампаний. Наконец, в 1922 году вершина его командирской карьеры – линейный корабль «Георгий Победоносец», а еще два года спустя становится капитаном 1 ранга. Несмотря на свою известность на флоте, особой карьеры Невельской так и не сделал. Скорее всего, виной тому его излишняя самостоятельность и независимость, как во взглядах, так и в поступках. Строптивного капитана еще кое-как терпеть можно, но строптивного адмирала, уж извините!

После 38-летней флотской службы капитан 1 ранга Невельской выходит в отставку «с пенсией и мундиром». Покидая «Георгий Победоносец», Невельской поцеловал на прощание Андреевский флаг. В глазах мужественного моряка стояли слезы...

Шума больших городов ветеран никогда не любил, а потому, по выходу в отставку, сразу же уехал с женой в усадьбу Жураново близ города Кологрива, что в его родной Костромской губернии.

Там вдаль от столичной суеты, жил наш герой с супругой своей Ольгой Афанасьевной, не смотря на свой не простой характер, в мире и согласии. Вырастил дочерей Анну да Катерину. Выдал замуж. Заметим, что Екатерина Ивановна вышла замуж за кологривского помещика Михаила Жохова. Она стала бабушкой знаменитого полярного мореплавателя лейтенанта Алексея Жохова, участника первой сквозной экспедиции Северным морским путем в 1914 году, умершего у побережья Таймыра в 1915 году во время зимовки. Алексей Жохов оставил потомкам, наверное, самое пронзительно поэтическое признание в любви, которое сочинил перед смертью и просил начертать над своей могилой:

*Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец.*

*Не кинет золотом луч утренней Авроры
На лиру чуткую забытого певца –
Могила глубока, как бездна Тускароры,
Как милой женщины любимые глаза.*

*Когда б он мог на них молиться снова,
Глядеть на них хотя б издалека,
Сама бы смерть была не так сурова
И не казалась бы, могила глубока.*

Что и говорить, правнук был столь же мужественен, как и его храбрый прадед!

В последние годы жизни любил Гавриил Иванович заниматься и хозяйственными делами, однако подлинной хозяйкой усадьбы была все же его властная супруга.

Исследователь дворянских родов Костромской губернии А.А. Григоров так пишет о супруге Невельского: «Она (Ольга Афанасьевна – В.Ш.) была смелой и мужественной женщиной. От соседских помещиков и окрестных крестьян она получила прозвище «Медведица». Гавриил Иванович имел необычайно вспыльчивый характер и, иногда на него находили такие минуты (а то и часы) гнева, что к нему, буквально, нельзя было подступиться. Он терял всякое самообладание, особенно в тех случаях, когда сталкивался с какой-либо подлостью или нечестным поступком. Совершенными, как соседями-дворянами, так и крестьянами, как его собственными, так и окрестных помещиков. И в такие минуты только одна «Медведица», горячо его любившая, могла его успокоить. Ольга Афанасьевна была очень сильная. Особенно любила заниматься с лошадьми и сама выезжала и объезжала лошадей, причем, ей доставляло удовольствие объезжать лошадей самых горячих, необузданного нрава. Наряду с верховой ездой, зимой она сама выезжала и сама правила, то есть держала вожжи, на парах и на тройках, запряженных «гусем». И никогда не брала с собой кучера».

13 декабря 1841 года в возрасте 68 лет герой скончался в своем имении. Хоронили его в старом флотском мундире, который Невельской берег именно для данного случая. На крышке гроба лежал позеленевший в морях кортик. Проводить в последний путь заслуженного моряка съехались окрестные старики-помещики, тоже многие в прошлом флотские офицеры.

- Прощай, Гавриил Иваныч! – говорили они, комья стылой земли в могилу ему бросая. – Окончил ты плавание земное, а ныне отправляешься уже в плавание небесное!

А спустя три года трагически погибла и его «Медведица».

Снова обратимся к запискам А.А. Григорова: «Ей, как «вещему Олегу», приключилась «смерть от коня». Однажды, запрягши в сани

пару самых горячих лошадей, она поехала их «проезжать», но не смогла справиться. Лошади понесли, сани опрокинулись, однако, Ольга Афанасьевна не выпустила вожжей из рук, и лошади протащили ее по дороге очень большое расстояние. Бедная женщина получила сильные ушибы. Лошади были остановлены при въезде в усадьбу, а бедная «Медведица» получившая очень тяжелые телесные повреждения, через несколько дней скончалась».

Что можно еще добавить ко всему вышесказанному? Наверное, то, что спустя несколько десятилетий внучатый племянник Гавриила Невельского адмирал Геннадий Иванович Невельской поднимет русский флаг в устье Амура и этим, навсегда, закрепит эту дальневосточную землю за Россией.

ПОДВОДНИК ГРИЩЕНКО

*Утоплен враг, идём сквозь сталь и пламя,
Пускай бомбят: посмотрим, кто хитрей!
И нет нам твёрже почвы под ногами,
Чем палубы подводных кораблей...*

Герой Советского Союза подводник Израиль Фисанович

Когда-то его имя не сходило со страниц газет, его дружбой гордились писатели и поэты, а самые красивые женщины были счастливы, когда он одаривал их мимолётной улыбкой. Ему не было равных в годы войны по количеству уничтоженных вражеских кораблей, а о мастерстве, хитрости и удачливости ходили легенды. Его подчинённые становились адмиралами и пристёгивали к кителям золотые звёзды героев. Он писал книги и научные трактаты. Его ненавидели начальники и боготворила флотская молодёжь. Он так и ушёл из жизни, забытый и непонятый, недоделав ещё многого, что мог бы сделать. Но и ныне его подвиги окружены неким молчаливым табу. Всё это более чем странно, ибо он был не только лучшим из подводных асов нашей державы, но и её настоящим национальным героем...

КОМАНДИР «ФРУНЗЕНЦА»

22 июня 1941 года подводный минный заградитель Л-3, носивший одновременно ещё и более гордое название «Фрунзенец», встретил в Либаве. В те минуты, когда на западной границе ударили первые залпы Великой Отечественной, командир Л-3 капитан 3-го ранга Грищенко получил приказ о немедленном выходе в море.

К моменту начала Великой Отечественной войны Пётр Грищенко являлся уже одним из опытейших командиров подводных лодок. За плечами бывшего мальчишки из глухой черниговской деревни уже было высшее военно-морское училище, годы службы на различных подводных лодках и военно-морская академия. Выпускников академии в то время командирами лодок не назначали. Флот стремительно рос, и высококвалифицированных кадров не хватало. Выпускники академии шли, как правило, командирами дивизионов, а то

и бригад. Несмотря на всё это только Грищенко по окончании академии (причём с отличными показателями) был назначен командиром подводной лодки, причём по собственному желанию. Столь велика была его тяга к морю и «своему» кораблю.

Едва Л-3 начала экстренное приготовление к бою и походу, как новое сообщение — уже о начале войны с Германией. А на выходе из аванпорта подводная лодка была внезапно атакована шестёркой пикирующих бомбардировщиков. Либавский фарватер узок и извилист, но командир Л-3 всё же исхитрился уклониться от атак и прорваться в море.

Первоначальная задача была, на первый взгляд, несложной: нести дозор в районе маяка Стейнорт и в случае появления неприятельских кораблей атаковать их. До Либавы было недалеко, и иногда, поднимая перископ, Грищенко видел над городом багровое зарево пожаров: гарнизон и экипажи стоявших в ремонте и взорванных кораблей из последних сил отбивали атаки нападающего врага.

Тогда произошла первая размолвка командира лодки с военкомом Бакановым. Увидев в перископ, что немцы штурмуют Лиепая, Баканов заявил Грищенко:

— Хватит нам торчать здесь без дела! Надо всплыть, подойти к берегу и вступить в бой с фашистами, стреляя из пушки!

Разумеется, можно было понять боль военкома, но предложенное им было чистым безумием. Одно семидесятимиллиметровое орудие «Фрунзенца», естественно, никак не могло повлиять на развитие ситуации в Лиепаяе, при этом сама лодка была бы в несколько минут неминуемо расстреляна прямой наводкой с берега, так и не успев ничего сделать. Кроме этого, Грищенко имел и вполне конкретный приказ. Но убедить в своей правоте Баканова (вчерашнего матросомоториста, закончившего лишь ускоренные политические курсы) опытному командиру с академией за плечами так и не удалось. Уже по возвращении в базу Баканов напишет донос на Грищенко, в котором обвинит его в трусости, как отказавшегося от артиллерийской атаки немецких позиций на берегу. Абсурдность и надуманность этой бумаги будет столь очевидна, что её не примут всерьёз даже особы, не говоря уже о непосредственных морских начальниках. Всё

это было так, но нервов командиру Л-3 псевдопатриотичность его военкома потрепала изрядно.

А затем новая задача: выставить неподалёку от Мемеля минное заграждение. С этим Грищенко справился блестяще. Минная банка была скрытно поставлена как раз на наиболее оживлённом морском «перекрёстке». И результат не заставил себя ждать. Буквально через несколько дней здесь прогремели два мощных взрыва, и немцы лишились двух своих гружёных транспортов. Позднее, уже после войны, станут известны их названия — «Эгерау» и «Хенни».

Из воспоминаний П.Д. Грищенко:

«Идея комбрига Египко идти... в логово врага и закупорить его — меня поразила. Задача нелёгкая и исключительно важная... Мы шли медленно, с каждым часом приближаясь к цели всего на две мили. В перископ, кроме зеркальной поверхности моря да надоедливых чаек, ничего не было видно. Но вот, наконец, и поворот на курс 90 градусов... До места постановки мин ещё восемнадцать миль, но уже слышны резкие щелчки: это катера-охотники время от времени сбрасывают глубинные бомбы. Первые разрывы настораживают... Ложимся на боевой курс... Не успеваю дать команду — „начать постановку“, как раздаётся сильный взрыв. За ним второй, третий, четвёртый... Многие падают на палубу. Гаснет освещение. Часть электроламп разбита. На этот раз бомбы упали рядом с Л-3. Можно приступать к минной постановке. Глубина моря у порта всего восемнадцать метров. Боцман Настюхин волнуется, ему с трудом удаётся удержать глубину двенадцать метров.

— Пусть лучше старушка тонет, чем покажет свою рубку катерам, — успокаиваю я Настюхина и тут же даю команду — начать постановку мин.

Ритмично защёлкали счётчики. После каждой вышедшей за корму мины слышу по переговорочной трубе голос старшины Овчарова:

— Вышла первая... вторая... третья...

Акустик докладывает:

— Катера полным ходом идут на подводную лодку, пеленг меняется на нос!

— Прекрасно, Дима, — отвечаю громко, чтобы слышали все.

Напряжение растёт. Прямо по носу Л-3 раздаются четыре сильных взрыва, вслед за ними ещё четыре, и наступает тишина. Снова доклад акустика:

— Катера удаляются.

— Вышла двадцатая, — слышу голос из кормового отсека...»

На обратном пути Л-3 подверглась атаке фашистских противолодочных катеров, пытавшихся забросать её глубинными бомбами, но и здесь Грищенко показал себя как опытный командир. Умелым манёвром он уклонился от катеров, и те ещё долго бессмысленно глушили тротилом обезумевшую балтийскую треску. Но подводная бомбардировка всё же не прошла для минзага даром. От близких разрывов лопнул стяжной борт кормовых горизонтальных рулей. Положение было не из приятных. Лодка трижды внезапно проваливалась на глубину. Пришлось всплыть и в надводном положении выходить на малую глубину, уцелели чудом. Над головой то и дело пролетали немецкие самолёты, спешившие сбросить свой смертоносный груз на наши войска. До темноты Грищенко всё же успел положить подводную лодку на грунт. Ночью, когда удалось всплыть, механик лодки Крастелев с матросами исправили повреждение в цистерне. Риск для них был при этом огромный, пояись в небе неприятельский самолёт, и лодка будет вынуждена срочно погрузиться, оставив людей погибать в затопляемой цистерне. Но всё обошлось, повреждение устранили, и минзаг начал свой путь в Ригу, где базировался дивизион, куда входила Л-3. Добраться до Риги, однако, не удалось. Обстановка на фронте менялась столь стремительно, что пока минзаг был на позиции, пала Либава и бои вовсю шли уже на рижских улицах. Перевести дух подводникам удалось лишь в Таллине, но и последние сутки возвращения тоже были нелёгкими. Лодку дважды по ошибке едва не атаковали наши сторожевые катера, а затем, в довершение всего, она прошла по нашему же минному полю, о постановке которого штаб Таллинской базы забыл оповестить командира Л-3. Но как бы то ни было, свою задачу минзаг выполнил и его первый боевой

поход был уже позади.

Прохлаждаться, впрочем, было некогда. Едва подвезли мины и загрузили их, как «Фрунзенец» немедленно вышел в свой второй боевой поход.

Теперь курс подводной лодки был проложен в самое логово врага — в Данцигскую бухту, где Л-3 предстояло выставить заграждения на выявленных разведкой путях движения противника. Вот скупая хроника отчёта Грищенко о том походе:

«...19.7 — подводная лодка прибыла на позицию.

07.44 — прямо по носу обнаружили два дыма.

08.00 — в расстоянии 50 кабельтов классифицировали цели как 2 тральщика противника, следующие курсом 0 градусов.

08.30 — вступили в кильватер тральщикам и под перископом начали минную постановку.

09.40 — тральщики скрылись.

13.30 — закончили минную постановку и начали отход из района.

18.50 — следуя курсом 340 градусов, слышали сильный взрыв и в перископ увидели на курсовом угле 175 градусов правого борта в расстоянии 60 кабельтовых в районе постановки столб воды и дыма.

Позднее два взрыва в этом районе зафиксировал и подводная лодка Щ-405, находившаяся в смежном районе...

21.7 — весь день на грунте, меняли крышку цилиндра на левом дизеле.

26.7 в 02.19, следуя курсом 360 градусов ходом 10 узлов в режиме винтозарядка, командир подводной лодки обнаружил авиакрейсер „Готланд“... однако подводная лодка от встречи уклонилась погружением, так как топлива оставалось только на переход в Таллин, и командир решил возвратиться в базу.

С 21.00 27.7 до 06.00 28.7 подводная лодка преследовалась одним сторожевым кораблём и тремя катерами, до 23.00 производивших бомбометание в близком расстоянии от подводной лодки. Шумы внутри подводной лодки сокращали до предела, вплоть до остановки гирокомпаса.

...08.00 — осмотрели горизонт и пустили гирокомпас. Согласно приказу командира 1-й бригады подводных лодок начал движение в точку рандеву, где в 12.00 должны встретиться с тральщиками и катерами.

10.30 — начали рваться глубинные бомбы недалеко от подводной лодки, в перископ обнаружили 2 тральщика и 2 сторожевых катера МО (морских охотника. — В.Ш.).

11.00 — всплыли. К борту подошёл сторожевой катер МО. На вопрос „Почему бомбите в точке?“ — ответили: „Пугаем лодку противника“ При таких действиях катеров не исключена возможность потопления своей подводной лодки...

В 17.00 прибыли в Таллин, а в 23.50 1.8 — в Кронштадт».

Даже скупые строки официального донесения не могут не донести всего того, что довелось пережить Грищенко с его экипажем. Чего стоит только минная постановка при следовании в кильватер фашистским тральщикам. Разумеется, риск был огромный, но и расчёт почти гениален, ведь немцы, только-только протралив фарватер, были совершенно уверены в его полной безопасности и тут же попались на хитрость Грищенко!

В сентябре «Фрунзенец» снова в боевом походе. Обстановка была труднейшая: немцы уже изо всех сил рвались к Ленинграду, а у острова Эланд маячил их новейший линкор «Тирпиц» готовый нанести удар по надводным кораблям Балтийского флота, если те попытаются прорваться в Балтику. Этот поход был не только одним из самых трудных за всё время войны, но и едва не закончился трагически. В бухте Сууркюля у острова Гогланд подводная лодка была внезапно атакована двумя фашистскими торпедными катерами. К чести подводников, они открыли огонь сразу же, как удостоверились, что катера не собираются отвечать на позывные. Несколько снаря-

дов поразили головной катер. Уже после войны стало известно, что прямым попаданием был убит командир набеговой операции. Зато катера промахнулись, впрочем, одна из торпед взорвалась совсем рядом с минным заградителем, случайно попав в каменную скалу, оказавшуюся перед самой лодкой. Более не испытывая судьбу, Грищенко тут же погрузился.

Страшный сорок первый год стал для Л-3 суровой, но необходимой боевой школой. В течение его Грищенко совершил три похода, уничтожив четыре вражеских судна. Много это или мало? Ведь каждый из потопленных гружённых военными припасами транспортов равнялся по значению стрелковому полку. Если принять на веру это соотношение, то за первый год войны Грищенко отправил на дно дивизию противника.

Страшную блокадную зиму 1941–1942 годов «Фрунзенец» простоял в Неве у набережной Ленинграда. Матросы и офицеры делились последним куском хлеба с умирающими горожанами. Сейчас много пишут о небывалых по тоннажу победах немецких подводников. Но как можно сравнивать условия, в которых сражались наши балтийские подводники, с тепличными (особенно в первое время) условиями асов кригсмарине? Как можно сравнивать базирование наших лодок в осаждённом и умирающем Ленинграде с курортным отдыхом в кафешантанах французского Лориана? К 1942 году Л-3 осталась единственным подводным минным заградителем на Балтике. Второй минзаг «Лембит», истратив весь запас английских мин, временно оказался не у дел.

1942 год вошёл в историю Балтийского флота как год страшных потерь подплава. Немцы перегородили Финский залив десятками сетей и сотнями минных полей, стремясь прочно закупорить балтийских подводников в устье Невы, но, несмотря на все их потуги, те всё же прорывались в открытое море, хотя и несли при этом большие потери. Как правило, более половины из уходящих на прорыв в Балтику подводных лодок обратно уже не возвращалась. Трагический конец большинства из них навсегда остался тайной...

В течение блокадной зимы экипаж Л-3 вместе с рабочими ленинградских заводов досрочно произвёл ремонт подводной лодки. О том, насколько это было валено в то время и чего стоил этот ремонт

офицерам и матросам «Фрунзенца» говорит хотя бы тот факт, что и командир и механик лодки были удостоены за это боевых орденов. Но Грищенко не был бы Грищенко, если бы удовлетворялся лишь рамками необходимого.

В немногие свободные часы в течение всей зимы он посещает кабинет торпедной стрельбы, сотни и сотни раз выходя в учебные атаки. Выкраивая время, успевает прослушать цикл лекций профессора Томашевича по тактике подводных лодок и методах залповой стрельбы веером. Не имея возможности полноценно отработать курсовые задачи, Л-3 произвела лишь несколько пробных погружений в Неве между Литейным и Охтенским мостами, в месте, окрещённом местными остряками «Охтенским морем». К радости Грищенко, начальство убрало с лодки военкома Баканова, с которым у командира так и не сложились отношения. Вместо него прислали старшего политрука Долматова. С ним у Грищенко тоже будет хватать хлопот.

В БОЯХ И ПОХОДАХ

В свой четвёртый боевой поход Л-3 вышла 9 августа 1942 года. На душе моряков было тяжело. Только что наши войска оставили Севастополь, пал Харьков, в огненной мясорубке которого навсегда исчезло сразу несколько армий, и теперь немецкие танковые клинья уже рвались к Волге и на Кавказ. Не легче была ситуация и на Балтике, где что ни день, то гибли наши подводные лодки, пытаясь прорваться в открытое море или вернуться после похода обратно. Теперь настал черёд попытать счастья и для «Фрунзенца». Вместе с экипажем в море напросился и писатель-маринист Александр Зонин. Согласно боевому распоряжению, Грищенко надлежало выставить западнее острова Борнхольм два минных заграждения, а затем уже начать торпедную охоту за неприятельскими транспортами.

Из отчёта Грищенко:

«... 10–11.8 подводная лодка находилась вблизи острова Лавенсари, днём на грунте, ночью — у пирса.

12.8 начали движение на позицию, форсируя Финский залив в подводном положении как можно ближе к грунту. Это делалось вопреки рекомендациям — форсировать залив за одни сутки в надво-

дном положении.

14.8 лодка вышла в Балтийское море. Для отработки личного состава командир решил задержаться на 2 суток в районе маяка Богшер...»

А спустя четыре дня произошла встреча, которая открыла счёт неприятельских транспортов, потопленных торпедами. После полудня 18 августа Грищенко обнаружил в перископ большой караван транспортов. Выбрав наиболее крупный из транспортов, он его незамедлительно атаковал. Две выпущенные торпеды буквально разорвали пятнадцатитысячный танкер в клочья. А затем было всё как всегда: неистовая бомбёжка сторожевых кораблей, часы томительного ожидания и отрыв от неприятеля.

Из воспоминаний П.Д. Грищенко:

«Я брился, когда вахтенный офицер Дубинский доложил:

— Обнаружен конвой. Курс сто восемьдесят градусов.

Я бросился в центральный пост к перископу. Обстановка для атаки нелёгкая: нужно прорывать две линии охранения конвоя и с близкой дистанции наверняка, в упор выпустить торпеды. Волнение моря не превышает двух-трёх баллов. Ветер — с берега.

Люди занимают свои места по тревоге... Внимательно наблюдаю в перископ за конвоем. В середине его выделяется размерами большое судно. Зову к перископу помощника штурмана Луганского. До войны он плавал помощником в торговом флоте и хорошо разбирался во всех типах и классах торговых судов...

Луганский только на миг прильнул к окуляру:

— Тут и гадать нечего. Танкер. Водоизмещение — тысяч пятнадцать.

Опускаю перископ в шахту... Акустик доложил, что миноносец быстро приближается к нам. По команде лодка уходит на глубину, нырнув под первую линию охранения. С большой скоростью, шумом

и воем гребных винтов над нами проносится корабль, на нём и не подозревают, что разыскиваемый ими враг находится под килем эсминца всего в каких-нибудь 15 метрах. Не сбавляя хода, Л-3 снова всплывает под перископ.

Теперь мы между катерами и миноносцами. Прямо по курсу конвоя — самолёт. Он ищет подводные лодки.

Пасмурная погода нам благоприятствует, но перископом приходится пользоваться осторожно — поднимать его всего на несколько секунд. За это время нужно успеть осмотреться. Иногда это не удаётся. Слышны отдельные разрывы глубинных бомб. Но эта хитрость гитлеровцев — отпугивать возможного противника — нам уже давно знакома.

Не меняя глубины, мы проходим вторую линию охранения — линию катеров. Их осадка незначительна, и опасаться таранного удара не приходится... Л-3 успешно прорвалась через обе линии охранения и теперь находится между транспортами и катерами-охотниками. Голова колонны пересекает наш курс. Дистанция медленно сокращается.

— Аппараты, товсь!

Отчётливо слышен гул работающих винтов. Устанавливаю перископ на пеленг залпа и поднимаю его. Носовая часть огромного танкера чётко обрисовывается на фоне берега. Вот его нос „входит“ в линзу перископа, тёмная стена медленно ползёт в левую сторону, к перекрещённым нитям в центре линзы. Теперь, фашисты, держитесь!

— Аппараты, пли!

Лодка вздрагивает. Передо мной загорается зелёная лампочка — торпеда вышла. Второй толчок — снова зелёная вспышка.

На какую-то долю минуты я забыл об опасности. До боли прижав правый глаз к окуляру, смотрю, как точно идут к цели наши торпеды. В центральном посту Коновалов вместе с Зониным считают секунды: „Ноль пять, ноль шесть... десять, тринадцать...“ — взрыва нет.

— Неужели не попали? — кричит Коновалов мне в рубку.

— На таком расстоянии трудно не попасть, — машинально отвечаю ему, не отрываясь от перископа.

В эту секунду огромный столб огня и дыма взметнулся над танкером. В центральном посту слышу крики „ура“! Ещё взрыв! Снова „ура“! А море горит. На танкере более десяти тысяч тонн горючего — такой огонь не скоро погаснет!

...На лодку ринулись катера. Миноносцы открыли огонь, снаряды падают с недалётом...

— Полный вперёд! Срочное погружение!

...Всё же серия из восьми глубинных бомб, сброшенных катерами, чуть не накрыла Л-3 в момент её ухода на глубину. Нам казалось, что какой-то невероятной силы великан бил по корпусу корабля огромной кувалдой. Часть механизмов подводной лодки вышла из строя. Мы снова в самый ответственный момент остались без гирокомпаса.

Надо было отворачивать от горящего танкера. Нырнуть под него заманчиво: больше шансов оторваться от катеров, но в то же время и опасно — тонущее судно навсегда может похоронить под собой подводную лодку.

— Право на борт!

Взглянув на стеклянную крышку магнитного компаса, я увидел, что она вся запотела, картушки не было видно. Пришлось пустить секундомер и маневрировать „вслепую“ — переключать рули через определённое количество времени на определённое количество градусов.

А морские глубины вокруг нас гроыхали и рвались... Л-3 стремительно уходила от преследования, и взрывы за кормой становились всё глуше и глуше. Я спустился вниз, в центральный пост. Настроение у всех было приподнятое. Первая победа!.. Иду к себе в каюту добиваться...»

Спустя несколько дней сигнальщики Л-3 обнаружили несколько рыболовных ботов, но от их уничтожения Грищенко отказался.

— Мы ещё не выполнили своей основной задачи, а потому не можем демаскировать район минной постановки! — объяснил он свои действия политруку и писателю.

25 августа подводная лодка прибыла на заданную позицию. С неё наблюдали интенсивное движение неприятельских транспортов, а лёжа на грунте, слышали отдалённые взрывы глубинных бомб и шум винтов миноносцев. Из вахтенного журнала Л-3: «...В 21.03, всплыв под перископ, обнаружил по пеленгу... в дистанции... 4 миноносца и 3 тральщика под шведским флагом, стоявшие на якорях. В 21.53 начали минную постановку. Первую банку из 6 мин в Ш... Д... 7-я мина вышла из трубы... но якорь остался в трубе. Освободились через 30 минут, и она затонула... 26 августа с 00.21 до 00.34 выставили ещё 2 банки: одну из 4 мин в Ш... Д... и вторую из 9 мин в Ш... Д...»

В тот же день Л-3 добилась и боевого успеха торпедным оружием. При этом был атакован конвой из трёх транспортов. Грищенко столь ювелирно рассчитал свой манёвр, что исхитрился 4-торпедным залпом поразить сразу два транспорта. Ещё несколько дней патрулирования — и на горизонте новый конвой. На этот раз это были восемь транспортов в сопровождении двух миноносцев. Естественно, что от такого подарка судьбы Грищенко отказаться не мог. «Фрунзенец» немедленно начал маневрирование под перископом для выхода в атаку. На корабельных часах стрелки показывали 17.12, когда Грищенко скомандовал:

— Носовые торпедные аппараты первый и второй! Товсь! Пли!

От толчка выброшенных смертоносных сигар подводную лодку едва не выбросило на поверхность. Боцману каким-то чудом удалось удержать её на пятиметровой глубине. Отчётливо был слышен взрыв. Когда Грищенко поднял перископ, эсминца на поверхности уже не было. Теперь наступила очередь крупнейшего из транспортов. 4-торпедный залп не оставил ему шансов. Торпеды буквально разнесли его вдребезги. На этот раз подводную лодку особенно никто не преследовал. К досаде командира, оставшиеся транспорты бросились от погибшего собрата врассыпную, и догнать их «Фрунзенцу»

не было никакой возможности. Грищенко мог лишь наблюдать в поднятый перископ торчащий из воды нос затонувшего транспорта.

Затем было не менее тяжёлое возвращение домой. При форсировании Финского залива Л-3 не раз была на волоске от гибели. Пять мин взорвались рядом с ней при касании минрепов. Спасло лишь мастерство экипажа и невероятное профессиональное чутьё командира. 9 сентября «Фрунзенец» ошвартовался у пирса острова Лавенсари. Они сходили на берег счастливые, что вернулись живыми... Радость возвращения была, впрочем, омрачена для Грищенко доносом его военкома. Что поделать, ну не везло командиру Л-3 на политруков! Военком Долматов информировал: «...Командир не всегда рационально использовал боезапас — например: по конвою каравана противника выпущено сразу 4 торпеды. (Позднее такой способ атаки будет признан на отечественном флоте наиболее оптимальным!) ... Командир после потопления 2 транспортов 29 августа хотел выйти из района позиции на 30–40 миль и дать радиogramму. (Впоследствии эта тактическая находка Грищенко станет аксиомой для всех подводников!)»

Естественно, что бумага Долматова не осталась без внимания. Но после столь победного прорыва Грищенко наказать просто не могли. Его наградили орденом, слегка пожурили, и командир «Фрунзенца» стал готовиться к следующему походу. Именно в эти недолгие дни отдыха между боевыми буднями на лодку к Грищенко прибыл находившийся в то время в Ленинграде писатель Александр Фадеев, поэтесса Ольга Берггольц и Всеволод Вишневский.

Художник А. Гуляев написал большое живописное полотно о торжественной встрече в Кронштадте Л-3 после боевого похода. В центре картины командующий флотом адмирал Трибуц жмёт руку рапортующему о выполнении задач похода Грищенко. В этом не было ничего удивительного, ведь в самом разгаре была война, и пропагандистам был как воздух нужен пример командира героического боевого корабля. Для этого Грищенко подходил как нельзя лучше. Большой природный ум и личное обаяние, в сочетании с потрясающим чувством юмора, академической образованностью и интеллектом, не могли не вызвать восторга у представителей творческой интеллигенции от общения с ним. Ну а если к этому прибавить командирский талант и несомненно выдающиеся боевые успехи, то можно понять,

почему Грищенко оказался в центре внимания прессы. Однако к его чести он оказался абсолютно не подвержен звёздной болезни и относился к происходящему с изрядной долей здорового юмора. Как знать, может быть, именно тогда и появилась у кого-то из флотских начальников затаённая чёрная зависть на командира «Фрунзенца», может, именно в тех днях недолгой передышки между боями и следует искать истоки всей последующей драмы выдающегося подводника? Как знать...

В СОСТАВЕ ТРЕТЬЕГО ЭШЕЛОНА

Но отдых подводников был недолог, визиты скоро закончились, и уже 27 октября 1942 года «Фрунзенец» вышел в свой очередной, пятый с начала войны поход в составе третьего эшелона подводных лодок, идущих на отчаянный прорыв в открытое море.

Из боевого приказа на поход: «...Подводной лодки Л-3 занять позицию в районе Утэ и после двухдневной разведки на себя выставить минное заграждение на фарватере Утэ. Затем перейти в район, ограниченный параллелью Виндава-Нидден и меридианом 20 градусов 30 минут, где выставить минное заграждение на подходах к Мемелю и на установленных фарватерах противника, после чего оставаться в том же районе для уничтожения транспортов и военных кораблей противника...»

Начало похода было весьма неудачным. Уже при форсировании Финского залива «Фрунзенец» подсёк мину. Раздался оглушительный взрыв прямо под подводной лодкой. Но, наверное, всё же силен русский бог, каким-то чудом Л-3 не получила повреждений и смогла продолжить свой путь.

Из журнала боевых действий Л-3:

«...2.11, произведя разведку на себя, в 14.15 командир начал минную постановку, которую закончил в 14.23. Выставлено 10 мин. В 22.10 в направлении выставленного минного заграждения слышен сильный взрыв.

3.11 в 08.48 обнаружили 6 тральщиков типа „Фритьоф“, производящих траление в том же районе.

5.11 в 12.18 начали и в 12.21 окончили минную постановку, выставив 7 мин, в районе, где постоянно наблюдались дозорные корабли противника и работа их звукоподводной связи.

6.11 при всплытии вокруг подводной лодки обнаружено много огней, а на курсовом угле 15 градусов левого борта миноносец. В 00.07 с приходом его на угол упреждения 10 градусов с дистанции 4,5 кабельтова произвели 2-торпедный залп. Торпеды в цель не попали, однако через 1 минуту 20 секунд по пеленгу залпа был слышен взрыв, причину которого установить не удалось.

12.11 получено радиодонесение о возвращении в базу.

13.11 в 12.30 обнаружен караван из 4 транспортов... в охранении тральщиков... Начали маневрирование для выхода в атаку на двухтрубный транспорт. Шумы целей сливались, и поэтому акустик давал пеленга с ошибкой. Командир решил подвсплыть с глубины 10,5 метра, безопасной от таранного удара, на перископную 9,5 метра. Через 1 минуту командир определил, что акустик даёт пеленг с ошибкой на 5 градусов. Одновременно увидел в перископ заклёпки корпуса другого корабля. Только успел перископ опуститься на полметра, как последовал сильный удар, из-за которого подводная лодка получила крен до 20 градусов правого борта. Капитан 2-го ранга Грищенко получил ушиб головы и на 15–20 секунд потерял сознание...»

А вот описание происшедшего в изложении самого командира Л-3:

«Рано утром решаю поставить последнюю минную банку и начать движение к Либаве. Но вдруг раздаётся сигнал торпедной атаки. Вахтенный офицер Луганский обнаружил конвой, идущий курсом на юг. Заняв своё место у перископа в боевой рубке, выхожу в атаку. Изибираю объектом один из самых больших транспортов. Расстояние до цели примерно четыре мили. Море — полный штиль. От низкой температуры воздуха над морем стелются полосы тумана. Видимость быстро ухудшается, и вскоре цели уже не видно.

Решаю маневрировать по данным гидроакустика. Пеленги на шумящие цели — корабли, Жеведь (акустик Л-3. — В.Ш.) обычно даёт с точностью до градуса. Для атаки этого вполне достаточно. Вначале всё шло хорошо, но на боевом курсе акустик доложил: „Трудно пе-

ленговать“. Л-3, видимо, попала в середину конвоя — со всех сторон шумы, маскирующие основной объект атаки.

Чтобы не попасть под таран, приказываю боцману Настюхину: держать глубину 15 метров. Это обеспечивает безопасность от таранного удара транспортом средних размеров и в то же время даёт возможность наблюдать в перископ.

Приняв дополнительно в цистерну две тонны воды, Крастелев придаёт лодке отрицательную плавучесть.

— Аппараты, товсь! — даю команду в носовой отсек.

Поднимаю перископ, чтобы уточнить пеленг залпам, — нос вражеского корабля настолько близок, что хорошо видны аккуратно зачеканенные заклёпки на форштевне!

Не успеваю опустить перископ, как по нему происходит таранный удар. Транспорт проходит над лодкой. Эти три десятка секунд я лежу на палубе боевой рубки без сознания, с пробитой перископом головой. Очнувшись, слышу голос Коновалова из центрального поста:

— Товарищ командир! Что с вами? Почему вы не отвечаете?

Погружение Л-3 после таранного удара транспорта удалось задержать на глубине 42 метра. Принцип Крастелева — плавать с отрицательной плавучестью — себя оправдал. Мы были спасены от неминуемой гибели. Если бы Крастелев не принял дополнительно две тонны воды, то Л-3 не ушла бы так легко на глубину после таранного удара, а боевая рубка вместе с командиром была бы полностью снесена за борт.

На наше счастье, конвой нас не обнаружил. В отсеке мне оказали медицинскую помощь. Отлежавшись на грунте, приступили к постановке мин. Последние мины мы поставили к северу от Ливавы, на прибрежном фарватере врага...»

«...С 13.30 до 13.04 поставили минную банку из 3 мин. После всплытия в надводное положение было обнаружено: тумба ограждения перископа наклонена на правый борт на 30 градусов. Командирский перископ согнут вправо на 90 градусов и развёрнут в корму на

135 градусов. Зенитный перископ не работает. Антенны левого борта сорваны и держатся отвесом на рубке, правого борта — вынесены наружу. В 20.05 по пеленгу 156 градусов в дистанции 5 кабельтовых обнаружили подводную лодку типа „Щ“ в надводном положении. Обе подводные лодки погрузились.

14.11 в 18.57 — всплыли в надводное положение. Шторм. Ветер 10–11 баллов, море 9–10 баллов, пасмурно. Ввиду попадания воды через рубочный люк в центральный пост пришлось идти с задраенным люком....

15.11 в 02.25 — начали форсирование Финского залива, во время которого дважды задевали за минрепы.

18.11 в 12.20 в сопровождении катеров МО вошли в бухту Лавенсари, где ошвартовались к пирсу».

Как не вспомнить здесь стихотворение поэта-подводника Алексея Лебедева, погибшего в походе к полуострову Ханко на Л-2:

*Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей
Гектары миннобоновых полей,
Мы всплыли вверх, — нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костёр зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовой буксир.
Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что заразы не застирать,
Мы твёрдо знали, что врагам задаром
Не удалось в морях у нас гулять.
А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист,
И в этот миг гармонику губную
Поднёс к сухим губам своим радист.
И пели звонко голоса металла.
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.*

Именно так возвращалась с моря израненная, но непобеждённая Л-3. И так, позади у «Фрунзенца» остался ещё один тяжелейший поход. Пока подводники переводили дух и приходили в себя от пережитого, в штабах анализировали результаты их деятельности. Действия Грищенко были признаны грамотными и правильными, даже, казалось бы, его неудачная торпедная атака, закончившаяся сломанным перископом, была признана исключительно полезной, так как ею впервые в подводной войне на Балтике была доказана возможность бесперископной атаки по данным приборов гидроакустики. При этом отмечалось лишь то, что командиру для её успешного завершения следовало бы избрать несколько большую глубину погружения.

Из отчёта о боевой деятельности подводных лодок третьего эшелона: «...В 3-м эшелоне действовало 16 подводных лодок, потеряно 8. По данным разведотдела штаба КБФ и наблюдениям командира, на минах, выставленных Л-3 в районе Утэ, подрывался и затонул транспорт противника водоизмещением 4 тыс. т...»

Ну а как нашла отражение деятельность командира подводного минзага в официальных документах?

Из боевой характеристики капитана 2-го ранга Петра Грищенко за 1942 год: «...В 1942 г. товарищ Грищенко сделал два боевых похода в Балтийское море, длившихся в общей сложности 54 суток. Четыре раза с большой осторожностью и искусно, не обнаружив себя, форсировал Финский залив, преодолев все средства ПЛО противника. Пять раз подрывался на антенных минах, но повреждений не имел. В последнем походе после тарана без перископов привёл Л-3 в базу. Дисциплинирован, смел и решителен в бою, осторожен и расчётлив там, где необходимо. Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин выдвижения на должность командира дивизиона подводных лодок среднего тоннажа...»

ГЕРОЙ БЕЗ НАГРАДЫ

Казалось бы, что теперь-то у Грищенко всё будет хорошо. Командир дивизиона — это новая достойная ступень на служебной лестнице. Однако на эту должность Грищенко так и не назначили. Почему? Это одна из многих тайн, окружающих и по сей день судьбу выдающегося подводника. Зато состоялось другое назначение. При-

казом наркома Кузнецова в феврале 1943 года Грищенко был назначен старшим офицером отдела подводного плавания Балтийского флота. Должность весьма почётная и важная, но, увы, самая что ни есть береговая. Почему надо было убирать опытнейшего командира корабля, остаётся неясным. Разумеется, что каким-то образом объяснить такое назначение вроде бы можно: кому как не ему, командиру с академическим образованием и огромным боевым опытом, заниматься планированием подводных операций? Всё это так, но ведь в то время не менее острым был и дефицит командиров такого уровня, как Пётр Грищенко, который к тому же и сам не хотел покидать подплав. И если командование флотом так дорожило им, как специалистом по организации и планированию подводной войны, то как объяснить тот факт, что буквально в сентябре того же года капитан 2-го ранга Грищенко был вообще переведён служить в разведотдел штаба флота, в котором и пробыл до самого конца войны. И это при том, что ни единого нарекания на него со стороны начальства не отмечают ни ветераны, служившие в то время бок о бок с командиром «Фрунзенца», ни скупые строки официальных документов, в том числе и личного дела Грищенко. Наоборот, все отзывы и все служебные характеристики самые прекрасные. Кому же и зачем надо было убрать в самый разгар боевых действий с действующего корабля самого талантливого из командиров-подводников, лишив тем самым наш флот не одной победы...

Командира убрали с подводной лодки перед самым присвоением ей звания гвардейской. Бескозырки с георгиевскими лентами матросы «Фрунзенца» оденут в марте 1943 года, буквально спустя пару недель после ухода своего командира. На мостике гвардейского минзага Грищенко сменил воспитанный им капитан-лейтенант В. Коновалов. В дальнейшем он трижды выведет «Фрунзенец» в боевые походы, потопит десять и повредит один транспорт. Вполне заслуженно получит золотую звезду Героя Советского Союза.

Спустя много лет станет известен окончательный итог уничтоженных неприятельских кораблей и судов в бытность командования Л-3 Грищенко. Он более чем впечатляет, даже сравнивая его с безумными тоннажами атлантических побед немецких подводников. Ведь условия, в которых сражался и побеждал Грищенко, не шли ни в какое сравнение с самым настоящим избиением беззащитных транспортов в первые годы войны командирами лодок Дёница. Итог Грищенко

— это восемнадцать уничтоженных неприятельских вымпелов, более 65 тысяч тонн отправленных на морское дно — этого рекорда не удалось больше повторить ни одному из отечественных подводных асов Великой Отечественной... Но награждать Грищенко за этот подвиг почему-то не торопились. Более того, сразу же после войны его начали активно вытеснять с действующего флота. Кто? Да те, кто всю войну просидел на береговых должностях, а с наступлением мирных дней стал делать служебную карьеру, расталкивая локтями боевых, но не способных к интригам офицеров. Увы, наш флот здесь не исключение. Так было, к сожалению, везде и всегда.

К чести Грищенко, он не опустил руки. Отстранённый от действующего флота, он начинает серьёзно заниматься наукой, анализируя тактику действий подводных лодок во Второй мировой войне и вырабатывая рекомендации для подводников нового поколения, защищает диссертацию. Затем были годы преподавания в военно-морских училищах.

Шло время, и новые руководители отечественного флота старались не особенно часто вспоминать прославленного подводника. Правда, периодически флотскую общественность будоражили документы некоторых непосредственных начальников Грищенко:

«...1. Достоин выдвижения на должность начальника военно-морского училища.

2. Достоин присвоения звания контр-адмирал.

3. В целях справедливости... считаю необходимым возбудить ходатайство перед ГК ВМФ о представлении товарища Грищенко к званию Героя Советского Союза...

Заместитель начальника ЛВИМУ имени адмирала С.О. Макарова капитан 1-го ранга Недодаев...»

Но все робкие попытки восстановить справедливость не приводили абсолютно ни к чему. Кому и когда перешёл дорогу Грищенко, неясно до сих пор. Среди ветеранов подводного флота до сегодняшнего дня ходят слухи о том, что якобы на одном из вечеров отдыха только что вернувшийся из боевого похода Грищенко увёл первую

красавицу Кронштадта из-под самого носа у одного из балтийских адмиралов. И тот, взбешённый, самолично порвал уже подписанное представление к званию Героя Советского Союза на командира Л-3. Как говорится — «ищите женщину»...

Ходят слухи о том, что может быть, свою роль здесь сыграла строка в автобиографии командира подводной лодки о проживании сестры первой жены Грищенко в Нью-Йорке, куда та уехала ещё в далёкие двадцатые годы. Говорят, что возможна и самая прозаическая причина — пресловутая разнарядка. Вначале Грищенко просто не повезло попасть в число представленных на героев, а затем его уже попросту вычёркивали по инерции. Сам же бывший командир подводного минзага в силу своей скромности никогда о себе вопроса не поднимал и о причинах столь длительной нелюбви начальства к себе распространяться тоже не любил.

В чём же искусство командира подводной лодки Грищенко? Что он был за человек и почему власти предрержащие не хотят видеть его героем? Выскажемся, пользуясь оценками наших известных писателей о Грищенко, а также его собственными рассуждениями. Может, это поможет понять феномен командира Л-3 — феномен необычной личности, коей является Грищенко, которую не признала ни власть бывшего СССР, ни власть нынешняя. Вот как это выглядит на наш взгляд. Главный критерий искусства командира подводной лодки в годы Великой Отечественной войны — это число одержанных им побед. Но такая категоричность не раскрывает само содержание качеств и достоинств командира, его характерных черт. Конкретно в нашем случае, думается, есть возможность оценить командира Л-3 в другом плане. Можно взглянуть на Грищенко беспристрастно — глазами писателей, которые познакомились с Петром Денисовичем в годы Великой Отечественной войны. Писатель умеет видеть человека «со стороны» и всегда способен «заглянуть в душу» своего героя. Вот поэтому, если говорить о качествах Грищенко, то в дополнение к тому, что он выдающийся командир подводной лодки, обратимся к писателям, их произведениям военных лет. Более объективной оценки, кроме числа побед, очевидно, нам не найти, писатели ещё в годы войны увидели в действиях командира особый почерк, присущий командиру корабля. По их мнению, он остаётся верен своему почерку и в послевоенное время. В 1975 году писатель-маринист Анатолий Ёлкин говорил о Грищенко: «Биография его стала столько же

историей флота, сколько и историей советской литературы». Какими же надо обладать качествами, чтобы «войти» в эти две «истории»!

Александр Фадеев сказал о Грищенко просто и исчерпывающе: «Никогда не умрёшь, и из всякого дела вернёшься с победой». Так он подписал своё фото, подаренное Грищенко 4 июля 1942 года. Как же надо было верить в талант командира, разглядеть его мастерство, чтобы сделать такую надпись! Причём более чем за месяц до начала очередного похода Л-3. Оценка писателя полностью подтвердилась. Позднее, уже после возвращения Л-3 из похода, Фадеев в газете «Красный флот» напишет, что деятельность катеров и подводных лодок Балтийского флота, всё героическое, выдающееся, удивительное и прекрасное из того, что произошло на флоте, — это «балтийский почерк».

Известный драматург Александр Петрович Штейн раскроет, почему Грищенко всегда из похода приходит с победой. Штейн конкретно назовёт качества, которые были присущи Грищенко: «Это — воин, лишённый наигранной романтики, это командир концентрированной воли».

Ещё в 1944 году писатель-маринист А. Зонин подчеркнёт эту же характерную черту Грищенко: «Петро одно время мечтал об астрономии. Циолковского читал с увлечением... Хорошая черта — уметь жить с перспективой, глядеть через промежуток времени. Это не все умеют».

Перечитывая страницы о боевых делах командира Л-3, постоянно ощущаешь: экипаж был уверен в своём командире, знал, что его решение — единственно верное, то, которое нужно, что «эти люди (Грищенко и экипаж) любят Родину высокой и светлой любовью».

Пётр Денисович обладал особой манерой отдавать распоряжения. Он никогда не налегал на приказные интонации, говорил спокойно и веско, но самой манерой командования умел добиться порядка подчинения, уважения. У Грищенко — это не просто дар от природы. Пожалуй, здесь многое — от широты и глубины знаний, грамотности военного моряка. Словом, от того, что отличает военного по призванию, про кого говорят «военная косточка». Писатели видели в Грищенко «специалиста по минам, по умению ставить мины прямо под

носом врага». Однако они разглядели в нём и образцового навигатора с безупречной штурманской подготовкой, или, как о нём писали, «представителя замечательной штурманской Школы».

Известный военно-морской историк, ученик, друг и почитатель Грищенко контр-адмирал в отставке Г.Г. Костев так пишет о послевоенной жизни героя-подводника: «Во время одной из встреч с адмиралом флота Иваном Степановичем Исаковым капитан 2-го ранга Грищенко высказал несколько предложений о совершенствовании использования подводных лодок. Но эти мысли имели весьма отдалённое отношение к „малюткам“, которыми теперь командовал Пётр Денисович. Исакова как флотоводца порадовала широта взглядов комдива и как учёного заинтересовала. Однако никакой реакции, по крайней мере, внешней, не последовало. И вдруг пришёл приказ: откомандировать в Военно-морскую академию. Так началась работа исследователя».

Анализ, гипотезы, поиск оригинальных решений — это была стихия Грищенко. Появилась возможность изучить опыт действия подводных лодок в годы войны, сделать выводы. Днями и ночами бывший командир Л-3 подбирал материалы, уточнял и сопоставлял факты. По ходу работы возникали сомнения, спорные вопросы, рождались совершенно новые идеи. И, как в прошлом, в боевых походах, было радостно, получал наслаждение, когда удавалось решить какую-нибудь из новых задач. Да ещё прибавляли сил известия о том, что с годами росли победы Л-3. Уходил Грищенко с лодки, когда на счету командира числилось одиннадцать побед, а со временем, благодаря тщательному изучению архивных документов, становилось известным то, что до поры до времени скрывал противник, — потери фашистского флота на минах, выставленных Л-3. Так стало 12, 14, а сегодня 18 побед — это «личный счёт» Грищенко.

Успешно было закончено первое крупное исследование. Блестяще защищена кандидатская диссертация. Новая ступень — Грищенко был назначен начальником кафедры, да ещё в училище подводного плавания. Теперь можно было продолжать научную работу на ещё более высоком уровне: научные статьи, учебные пособия. Приступил новый начальник кафедры и к осуществлению своей давнишней мечты, той, которая не покидала ни в боевых походах, ни на берегу. Доцент, кандидат военно-морских наук Грищенко, собрав обширный

материал по оперативно-тактическому использованию подводных лодок Краснознамённого Балтийского флота, пишет монографию о том, как надо воевать подводникам в современных условиях. Монография, разумеется, была сразу же засекречена. На её основе издаётся учебник, тоже секретный. Но потом пришлось уйти с кафедры, хотя, правда, и с повышением. Не угодил своей прямоотой суждений старый подводник очередному большому начальнику. Теперь Грищенко перевели первым заместителем начальника Высшего военно-морского училища. Однако вскоре училище попало под сокращение. Петру Денисовичу опять пришлось пойти на новое место. На этот раз в ВВМУ радиоэлектроники им. А.С. Попова. Там он возглавил один из факультетов.

Продолжаются поиски материалов в архивах, мысли постоянно заняты проблемами использования подводных лодок. Уже написаны десятки статей. К этому времени закончен ещё один капитальный трёхтомный труд — «Борьба за советскую Прибалтику». В его создании принял участие П.Д. Грищенко как один из авторов. Много выступает Пётр Денисович перед молодёжью, на флотах, считает своим долгом делиться боевым опытом в службе, в жизни. Но всё чаще и чаще вспоминает слова Фадеева, не раз повторявшего, что ценность опыта — только в напечатанном: «Можно выступать и болтать сколько угодно, можно даже кувыркаться на ораторской трибуне, но главное в литературе то, что написано пером и напечатано...»

В это время готовится роман «Дом и корабль» — первое крупное произведение советской литературы о подводниках. Автор романа Александр Крон, хорошо знавший Грищенко, — отдаёт ему рукопись на рецензию как специалисту-подводнику. Сколько знакомых лиц — не отличить многих в романе от экипажа Л-3. Неделю с раннего утра до глубокой ночи работал Пётр Денисович над рукописью. Вспоминая об этом, он рассказывал, что будто снова побывал на родной Л-3.

А. Крон с благодарностью отнёсся ко всем замечаниям и пожеланиям Грищенко. В 1965 году на читательской конференции в Высшем военно-морском училище радиоэлектроники им А.С. Попова, где Грищенко был начальником факультета, А.А. Крон признался: «В романе „Дом и корабль“ рассказывается о жизни и боевых делах балтийских подводников в годы войны. Основные события происходят в период блокады Ленинграда. В центре повествования командир подводной

лодки капитан-лейтенант Горбунов, смелый, волевой офицер. Прототипами героев романа являются люди с прославленной подводной лодки Л-3 и её командир П.А. Грищенко. Конечно, понятие „прототип“ сложное, неоднозначное, однако им всегда является то или иное реальное лицо. Уже потом это лицо как литературный персонаж „обрастает“ разными чертами (характер, внешность), которые могут непосредственно к этому прототипу и не подходить, но в конечном итоге именно им и определяется литературный герой. Он всегда обобщение наиболее характерного в современнике. Это, как говорится, „знакомый незнакомец“».

О сложности выбора писателем прототипов можно много говорить. Если же конкретно о Грищенко, то следует упомянуть ещё одно произведение, в котором образ одного из главных героев «лепился» с Грищенко. Это «Океан» Штейна. Дадим слово автору: «...такие Платоновы есть, но не так уж их много, не будем преувеличивать. Я долго искал этого человека... Нет, Платонов был немного Грищенко и немножко Головки...»

Чем же был притягателен Грищенко для писателей? Можно сказать об этом так: он был резок, прямолинеен. Но была в нём какая-то врождённая органическая неспособность приспособляться, он отвергал всегда девизы типа «посытнее есть и помягче спать». Что думал, то и говорил, а отсюда появлялось и темпераментное «нет», и спокойное, но твёрдое «да». Представлялось, что у него нет полутонов. И всё же это не так. Правду, прямо в суждении Грищенко ставил на первое место.

Однажды в разговоре о характере человека были упомянуты слова Льва Толстого, что он с возрастом каждое утро начинал борьбу со своими недостатками. Их было три: лень, раздражительность и честолюбие. Продолжая эту тему, Пётр Денисович высказал и простую истину, что, мол, многие беды характера человеческого происходят от сравнений:

— Кто сказал, не помню, но, думается, это правильно.

— Я, конечно, не Лев Толстой, поэтому, возможно, и не начинаю утро с борьбы, — продолжил беседу Грищенко. — Лень беда человеческая. Она меня всегда раздражала. Так что можно ещё поспорить о раздражительности. Со своей ленью я тоже стараюсь бороться.

И «лекарство» простое, — продолжал Пётр Денисович. — Каждый день стараюсь писать, хотя бы четвертушку, восьмушку, о прошедшем дне, событии. А это непросто, приходится извилины напрягать. Поэтому лень сама собой исчезает.

Пётр Денисович засмеялся:

— А перенял я этот способ от замечательного советского писателя-мариниста Леонида Соболева, когда он стажировался на Д-5, где я был командиром.

— Горжусь я и своими учениками или, если хотите, бывшими подчинёнными. Много среди них имён известных, что, конечно, приятно. Герои Советского Союза, адмиралы... — Неожиданно Пётр Денисович, как будто спохватившись, что не то сказал, оборвал фразу. Даже покраснел и заметил извинительным тоном: — Нехорошо, нескромный рассказ получился. Всё я да я: «Я горжусь», «Мне приятно»...

Такой оборот подталкивал на продолжение беседы о характере человека.

— Пётр Денисович! Вот ещё одна черта человеческой природы: вы назвали её — скромность. Все считают, что это весьма положительное качество, но вот конкретно о вас Вы — заслуженный человек, а в коммунальной квартире живёте. Как это понимать? Из скромности?

Грищенко неопределённо ответил;

— Жить где-то надо. А живёшь там и в той квартире, что тебе дали.

— Но вам-то уж положено?

— Положено? К сожалению, не положено, — фраза прозвучала глухо, с обидой.

— Не может быть!

— Может, ещё как может, — ещё более тихо повторил Грищенко и замолчал.

— Мне тоже казалось, что положено, — заговорил он через минуту уже спокойнее. — Так получилось, что в жизни я практически и не имел отдельной квартиры. Разве только года три, когда был заместителем начальника училища.

— Пётр Денисович! Надо требовать!

Грищенко встал и, отвернувшись, тихо проговорил:

— Не надо беречь душу, не дают мне пока отдельную квартиру... Молодому учителю или врачу, только окончившему институт и попавшему по лимиту в Москву, квартиру дают сразу же, а мне, ветерану, — не положено.

Квартирная эпопея Грищенко — это отдельная история о том, как национальный герой годами безрезультатно ходил по инстанциям...

Если доведётся быть в Москве, пройдите в район Курского вокзала и далее по тихому переулку старой Москвы. Далеко за полночь вы увидите светящееся окно. Это работает бывший командир «Фрунзенца» — «летописец Л-3». К сожалению, ныне его уже нет. Ушёл из жизни в 1991 году. Таких людей иногда называют фанатиками. Но это слово произносят те, кто сам никогда не утруждает себя и кому недоступно упоение трудом. А вот командир Л-3 в труде видел весь смысл жизни и этот свой почерк сохранил до конца своих дней.

В отличие от Александра Маринеско, которого обвиняли во всех смертных грехах, Грищенко официально никто никогда не обвинял Наоборот! Все до одного его бывшие начальники отзываются о нём в самых восторженных тонах. Адмирал Флота Советского Союза И. Исаков: «Причинами боевых успехов Л-3 были мужество командира, отвага и спаянность экипажа».

Бывший командующий Балтийским флотом адмирал В. Трибуц: «...По искусству кораблевождения и использования оружия, по тактике — словом, по всем боевым показателям поход Л-3 (имеется в виду знаменитый четвёртый поход Грищенко. — В.Ш.) не имел себе равных...»

Более тридцати лет после войны один из её выдающихся героев кочевал по коммунальным квартирам и только за несколько лет до своей смерти наконец то получил от столичных властей отдельную квартиру вместо коммуналки. Флот же и здесь почему-то остался в стороне.

Говорят, что корабль не оставляет следа. За кормой волны снова смыкаются в гладкую поверхность. Но Л-3 и её командир Грищенко оставили след — не на воде, а во времени. В годы Великой Отечественной войны — это блистательные победы, сегодня — десятки книг командира Л-3, а ходовая рубка его гвардейской лодки установлена на Поклонной горе в Москве в Парке Победы. Таков был командир самой результативной отечественной подводной лодки во всей истории нашего государства. Но официально этот выдающийся подводник так и не признан героем своей страны.

Известный подводник, бывший командующий Балтийским флотом адмирал Е. Орёл, просто и не таясь, ответил на несправедливость по отношению к трём самым результативным командирам подводных лодок.

— Маринеско не стал героем в 1945 году потому, что ему не следовало пить водку. В войну пили все, но норму надо знать!

На возражение, что тогда непонятно, почему Грищенко не стал героем, ведь он вообще имел правило водку не пить ни на берегу, ни на море.

— Здесь другое дело, — парировал адмирал. — Грищенко надо было уметь ладить со своими комиссарами, а не попрекать их морской безграмотностью.

Трагичность Грищенко даже не в том, что он не стал Героем Советского Союза, а в трагедии последнего года его жизни. Пётр Денисович Грищенко скончался в Москве 14 января 1991 года на семьдесят третьем году жизни. К сожалению, никто сегодня не знает, что в проекте Указа Президента СССР М.С. Горбачёва в 1990 году, которым Маринеско посмертно отметили званием Героя Советского Союза, был включён и Грищенко. Но для него золотой медали не нашлось — из моряков оставили в окончательном тексте Указа только

двоих — Маринеско (посмертно) и медсестру Е. Дёмину, дожившую до признания. А ведь за сутки до публикации Указа Петра Грищенко поздравляли по телефону, присылали телеграммы, что наконец-то он Герой Советского Союза. Сам же Грищенко в это время был уже тяжело болен. До сих пор осталось неясным, кто вычеркнул его фамилию в последний момент из проекта Указа. После Указа 1990 года Пётр Денисович прожил немногим более полугода. Несправедливость ускорила его уход из жизни...

Ныне боевая рубка с надписью Л-3 в Москве украсила мемориал на Поклонной горе. Сама подводная лодка отмечена самой высокой наградой — гвардейским флагом, а командир, приведший корабль к этой награде, почему-то остался забытым. Почему такое возможно? И это при том, что Грищенко представлялся официально к званию Героя Советского Союза и были ходатайства к званию Героя России более 10 раз!!! При этом до сегодняшнего дня ему не только (пусть даже посмертно!) не присвоено звание Героя, но и отказано в праве называться самым великим подводником Отечества. Самое поразительное при этом, что причин такой нелюбви к Грищенко никто из чиновников объяснить не может. От всего этого становится ещё горше...

...Умирал Грищенко на руках своего самого преданного и верного друга — жены. В последний путь из флотских начальников проводить никто не явился. Были лишь старики ветераны да офицеры-подводники, для кого бывший ас морских глубин был кумиром. И это при том, что больше побед, чем Грищенко, не одержал ни один другой подводник за всю историю России!

Тайну своего удивительного везения на войне и не менее удивительного невезения в мирное время он унёс с собой. И кто знает, может быть, всё-таки, настанет время, когда правда о триумфе и драме лучшего из подводных асов нашего Отечества станет наконец известной, а свершённое им будет по достоинству оценено потомками.